

Лучшие романы
об уголовном розыске

НИКОЛАЙ ЛЕОЖОВ

Бросок
кобры

ЭКСМО

Гуров

Николай Леонов

Бросок кобры

«ЭКСМО»

1995

Леонов Н. И.

Бросок кобры / Н. И. Леонов — «Эксмо», 1995 — (Гуров)

Сегодняшняя жизнь дает много примеров того, что люди в борьбе за власть готовы на все. Для осуществления своих грязных сценариев они находят «профессионалов», не останавливающихся ни перед чем. С такими людьми сталкивается полковник Лев Гуров в романе известного мастера криминального жанра Николая Леонова.

© Леонов Н. И., 1995

© Эксмо, 1995

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Николай Леонов

Бросок кобры

Пролог

До дембеля оставалось шесть месяцев, когда удача повернулась к сержанту Вадиму Данину, по кличке Кобра, затылком.

Тот день начался красиво. Накануне бойцы то ли выменяли, то ли украли барана, освежавали; среди ребят нашлись специалисты, мясо замариновали, и на завтрак сержант получил шашлык, какого в жизни не пробовал. Человек аккуратный и предусмотрительный, Данин лишнего есть не стал, завернул несколько постных кусков с собой. Лейтенант указал фронт работ. На середине шоссе, если так можно было назвать вьющуюся в горах дорогу, громоздилась скала высотой с двухэтажный дом. Свалилась она в результате нашей же бомбардировки или ее «духи» скинули, неизвестно, однако движение на шоссе было перекрыто, преграду требовалось немедленно взорвать, дорогу очистить.

Следуя своей привычке оставаться живым, что бы ни случилось, Кобра оглядел скалу, решил, как бы она тут ни оказалась, дураку ясно, что придут русские, начнут дорогу расчищать. Явятся не бойцы, охрану саперам выделяют хреновую, пострелять их тут сам аллах велел. Придя к столь неутешительному выводу, Кобра глянул безразлично на лейтенанта охраны, который стоял в самом подходящем для снайпера месте, смотрелся красиво. Данин нашел подходящую щель, узкую и глубокую, как раз для одного человека, после чего, осмотрев обломок, который следовало убрать, начал соображать, как его взорвать и не сотворить в шоссе яму, которую потом придется зарывать. Как обычно, он не выходил на простреливаемое сверху пространство дороги, держался основания горного хребта.

В спорте схватка, бой, игра начинаются по команде, на войне стреляют всегда неожиданно. Раздался хлопок, лейтенант упал на колени, ткнулся лбом в камень. Кобра видел происшедшее боковым зрением, в два прыжка оказался у облюбованной ранее щели и налетел на бойца, который обожрался с утра бараниной и, сняв штаны, устроил из укрытия сортир. Данин метнулся в сторону, сверху поливали свинцом, саперы не успели схватить автоматы, у сержанта оружия при себе вообще не было, автомат остался рядом с вещмешком, а положенный ему пистолет Кобра принципиально не носил. Пистолет в бою не оружие, лишь опознавательный знак наиболее ценной мишени.

Бой, точнее бойня, продолжался пару минут, не более, автоматы и пулемет над головой замолчали. Кобра понял, что афганцы спускаются на дорогу за оружием и за его, Вадима Данина, головой или яйцами, это, как говорится, на любителя.

Он стоял совершенно один. Засранец, который оккупировал облюбованную щель, лежал неподалеку, изрешеченный пулями: видно, он бросился за оружием. Несколько солдат пытались подняться, раздавались выстрелы, парни падали. Кобра курил мало, но сигареты обычно имел и сейчас неизвестно почему, уж совсем не от желания выглядеть героем, вынул пачку, закурил.

На дорогу выбежали вооруженные люди, стреляли, добивая раненых, и не сразу увидели сержанта, стоявшего, прислонившись к стене, и курившего, словно ничего не происходит. Кобра не был безумно смел, его охватило безразличие и даже сонливость. Увидев русского, афганцы оторопели, кто-то рассмеялся, другой выпустил автоматную очередь, умышленно выше головы пленного. Осколки камня впились ему в лицо, он инстинктивно отер кровь, продолжая курить.

Большинство из афганцев собирали оружие, обыскивали трупы, складывали инструмент, один, немолодой, борода с сильной проседью, стоял рядом с Коброй, упирался стволом автомата в бок, смотрел хмуро, но сержант чувствовал, что человек он добрый, растерянный, стрелять без приказа не станет. Высокий, широкоплечий горец торопил товарищей, а чуть в стороне стоял мужчина, на которого Кобра обратил внимание потому, что он был без оружия, ничего не делал и, хотя был одет, как и большинство афганцев, походил на европейца. Атлет, командовавший своими товарищами, поглядывал на европейца вопросительно, но тот никак не реагировал и, в свою очередь, смотрел на сержанта. Кобра чувствовал, незнакомец решает его судьбу, и неожиданно вспомнил закон зоны: никого не бойся, никому не верь, никогда не проси. Он смял в пальцах сигарету, скатал, бросил под ноги. Европейец подошел, оглядел пленного, спросил:

– Почему без оружия? – неожиданно заговорил незнакомец по-русски.

– Не люблю стрелять, мое дело – взрывать, – ответил Кобра, посмотрел европейцу в глаза, но тот взгляд не отвел, лишь недовольно поморщился, и сержант перевел свой тяжелый взгляд в сторону.

– Коммунист и смерти не боишься? – В голосе незнакомца звучало любопытство.

– Я русский, смерти не хочу. – Кобра решил рискнуть и продолжал: – Да вы меня и не тронете. Труп вещь бесполезная, а хороший взрывник – человек нужный.

– Готовы, спасая свою шкуру, предать Родину?

– Россия здесь ничего не потеряла, я никого не предаю. Я вообще сам за себя. – Кобра поблатному оскалился, изображая улыбку.

– Сидел, значит, – утвердительно сказал незнакомец. – Ну ладно, поглядим, какой ты специалист.

Глава 1

В кабинете начальника главка уголовного розыска генерала Орлова присутствовали его заместители, начальники отделов и два старших оперуполномоченных по особо важным делам полковники Гуров и Крячко.

Петр Николаевич Орлов занимал место во главе стола для совещаний, который стоял справа от входной двери вдоль стены. Хозяин кабинета не курил, пепельниц на столе не было, стояли бутылки с минеральной водой, стаканы. Офицеры выложили перед собой блокноты и авторучки, тихо переговаривались, ждали, когда генерал сообщит, о чем состоится разговор. Все присутствующие прекрасно знали, что генерал терпеть не может совещаний, предпочитает разговаривать с каждым отдельно и сбор, подобный сегодняшнему, событие редчайшее. Последний раз руководство главка собиралось около года назад, когда полковник Гуров выявил в святая святых предателя, коррумпированного полковника.

Тогда, прошлой осенью, в Москве было совершено несколько разбойных нападений на инкассаторские машины, погибли люди, к банде нашли агентурные подходы, но засады хватили воздух. Стало ясно, что бандитов предупреждают... В общем, эта история известна. Гуров предателя выявил и взял, суд за недоказанностью бывшего полковника освободил. И нечего об этом было бы вспоминать, если бы не странная реакция на происшедшее старших офицеров главка. Они и раньше сторонились полковника Гурова, а с прошлого года отчуждение усилилось еще больше. Казалось бы, человек сделал то, что никто иной сделать не мог. Однако по коридорам прошелестело... Запятнал честь мундира... Интересно? Не предатель запятнал, а сыщик, выявивший предателя. Тогда хирург виноват, что удалил у больного злокачественную опухоль: хирург резал живое тело, причинял боль. Жизнь спас? Молодец, а резал-то зачем, не по-людски вроде бы...

Вернемся к дню сегодняшнему. Старшие офицеры собрались в кабинете начальника, ждали.

– Коллеги, в нашей работе приятные сообщения – редкость, потому я не буду оригинален, – начал Орлов, оглядывая собравшихся. – Аналитический отдел пришел к выводу, что значительная часть заказных убийств происходит по одной и той же причине.

– Передел сфер влияния среди авторитетов, – сказал седой полковник, снял очки, начал их протирать кусочком замши.

– Верно, только ради того, чтобы сообщить прописную истину, я не стал бы вас собирать, отрывать от работы. – Орлов привычно потер ладонями лицо, вздохнул. – В России издревле воюют на границах, уголовный мир – составная часть общества. Выявлена новая причина, которая обусловлена слабостью нашей судебной практики. Суды не справляются с рассмотрением исковых заявлений. Люди, корпорации, даже банки не могут получить долги с кредиторов и обращаются за помощью в криминальные структуры, которые решают данные вопросы без проволочек, оперативно. В принципе это не новость, но в последнее время тенденция получения долгов при помощи автомата Калашникова стала нормой. Это тоже не новость. – Генерал замолчал, выпил воды, после небольшой паузы продолжал:

– Новостью является достаточно обоснованное предположение, что объявился человек, который данный процесс централизовал, создал подпольный синдикат наподобие «Бюро добрых услуг». Если раньше получение долгов происходило кустарным способом, каждый заимодавец решал свои проблемы как мог – один брал в руки обрезок трубы или пистолет, другой обращался напрямую или через посредников к местному авторитету, то сегодня создана организация, дело поставлено солидно и грамотно. И если для выполнения заказа требуется человека убить, то делается это профессионально. В принципе вполне возможно, что такое «бюро» создано не только для того, чтобы выбивать долги, но и для решения политических споров.

– Накануне выборов в Думу нам еще и этого не хватало, – слышалась реплика.

– Успокойся, Виталий, в следующем году будем переизбирать Президента, – вставил Крячко и посмотрел на Гурова.

– Мы – уголовный розыск, существует Управление охраны, контрразведка, – заговорил Гуров. – Петр Николаевич, нельзя объять необъятное, давайте решать свои проблемы по мере их появления.

Все присутствующие прекрасно знали, что и Гуров, и Крячко работали с генералом еще в МУРе, знакомы издавна, дружат, но в служебных вопросах личными контактами никогда не пользуются. Вот и теперь Орлов глянул на встрявших в разговор приятелей неприязненно, сухо сказал:

– Я не спрашивал вашего мнения, господа, прошу не перебивать. Убийство и по политическим мотивам остается убийством. В верхах могут принимать любые решения, создавать свои группы расследования, уголовный розыск никто от исполнения прямых обязанностей не освобождает. Я удивлен, Лев Иванович, что вы предлагаете следовать за событиями, а не пытаться предвосхитить их.

Гуров смотрел перед собой безразлично, на его жестком лице не дрогнул ни один мускул, словно замечание генерала его не касалось.

– В общем, коллеги, совещаться не о чем, примите информацию к сведению, проинструктируйте оперативный состав, взаимодействуйте с МУРом, если такое «бюро» организовано, то руководство его, безусловно, обитает в Москве. Копии всех агентурных сообщений о взимании долгов немедленно ко мне на стол, мы должны выявить новообразованную организацию и обезглавить. Работаем все, руководит операцией полковник Гуров.

– Поздравляю, Лев Иванович, – сказал седой полковник, надел очки и улыбнулся. – Кто из замов министра будет держать на контроле?

– Олег Васильевич, тебе меня не хватает? – спросил Орлов.

– Петр Николаевич, мне лично вас с избытком, – ответил ветеран. – Меня интересует, кто последнюю стружку с нас снимать будет?

– Закончили, господа офицеры. – Орлов поднялся, перешел за свой стол. – Трясите агентуру, на сходках должны обсуждать данный вопрос. Все свободны, Гуров, задержитесь.

Когда все вышли, Гуров перешел к окну, открыл форточку, закурил. Крячко выровнял стулья за столом совещаний, деловито оправил зеленое сукно.

– Станислав, я твоего имени не называл, – сказал Орлов, улыбнувшись, – но на правах друга и подхалима можешь задержаться.

– Обидеть подчиненного – дело нехитрое, – без всякой обиды ответил Крячко. – Меня в жизни обзывали по-разному, вы, господин генерал, сказали обо мне нечто новенькое.

– Извини и уймись. Лева, что ты собираешься предпринять? Для тебя мое сообщение не новость, ты уже думал, поделись.

– Все по старинке, Петр, – ответил Гуров, затаился, пустил дым в форточку. – Встречусь с людьми, поговорю за жизнь, пролистаю розыскные дела по нераскрытым убийствам.

Сыщик замолчал, пожал плечами, продолжил словно нехотя, через силу:

– Необходимо найти Павла Усова, узнать, как живет, где работает.

Павел Петрович Усов был тот самый предатель, которого выявил Гуров. Усов, в прошлом полковник милиции, был завербован уголовным авторитетом, изблещен, но вина его не была доказана, и после четырех месяцев предварительного заключения Усова освободили, но из милиции уволили.

– Если, как ты, Петр, его называешь, «Бюро добрых услуг» существует, то в его организации не обошлось без участия бывшего сотрудника спецслужбы. Это может быть Усов, Иванов, Сидоров, но в прошлом он не вор в законе, не уголовный авторитет, а оперативник, следователь, возможно, прокурор.

– Даже если мы его выявим, интересно, как доказывать станем? – пробормотал Крячко.

– Не сможем доказать, ты его убьешь, – спокойно ответил Гуров.

Белесые брови Орлова поползли вверх, он засопел, сказал сердито:

– Подобные шутки в моем кабинете недопустимы, полковник.

– Я не шучу, господин генерал. – Гуров загасил сигарету, бросил окурочок в корзину для бумаг. – Я сказал, убьет, значит – убьет. – Он вытянул руку, словно пытаясь остановить готового вспылить генерала. – Наш выстрел всегда второй, в порядке самозащиты.

– Организатор такого масштаба не носит оружия, тем более не станет стрелять, – сказал Крячко.

– Это твоя головная боль, Станислав, – сухо ответил Гуров. – Два года назад я в порядке самообороны застрелил Виктора Живолуба. Вы оба знаете, что я мог его не убивать, только ранить... Вы два года молчите, я два года молчу, жизнь продолжается. Если я выявлю организатора «похоронного бюро», то мы либо докажем его вину, либо убьем. Второй раз я такого преступника, как Усов, освободить не позволю.

– Вы свободны, господа, считайте, что я ничего не слышал. – Орлов кивнул и без надобности подвинул к себе какую-то папку.

– Как хорошо быть генералом, – сказал Гуров, шагнул через порог и закрыл за собой дверь.

Вернувшись в свой кабинет, сыщики не стали возобновлять разговор. Гуров просматривал почту, Крячко взял графин, полил чахлый цветок, стоявший на подоконнике, не сдержался, недовольно сказал:

– Зря ты так, Лев Иванович. – Хотя они были знакомы около пятнадцати лет и Крячко был моложе Гурова всего на четыре года, Станислав называл друга по имени-отчеству. – Дело не в том, что Петр генерал, просто не надо было... – Он запнулся, развел руками. – Если случится стрелять, так никуда не денешься, а так выходит, что с заранее обдуманной намерением. Ты вроде как Петра соучастником делаешь.

– А почему все говно должен я глотать в одиночку? – Гуров выбрал из документов три листа, сколол скрепкой, перебросил на стол Крячко. – Скажи мне, душелюб и человековед, почему ребята в конторе с того момента, как я установил, что Пашка Усов нас предаст, смотрят на меня, словно я виноват в чем?

– Тебе чудится. Большинство подзабыло, а ты помнишь, они чувствуют, что ты помнишь. Людям неприятно. И потом, видишь ли, командир, теплоты в тебе нет, ты словно под стеклянным колпаком живешь. Мы с Петром привыкли, знаем, ты мужик нормальный, в жилах у тебя кровь, красная и горячая, но масочку ты носишь довольно неприятную. Ты посчитай, сколько раз в день ты улыбнешься, и не из вежливости, а от души. Я тебя молодым помню, ты порой смешливый был, а теперь... Да ты сам отлично знаешь.

– Я просто честный, как себя чувствую, так и веду.

– Вот-вот, получается, что ты честный, а другие только прикидываются. Большинство ребят тебя любят и уж все уважают, но многие и побаиваются, даже начальники: ты же можешь сказать, что думаешь, обидеть.

– Я редко хочу обидеть.

– Знаю, ты просто об этом не думаешь.

– А ты?

– А я стараюсь не говорить серьезно, потому людям со мной легко. Мерзости в жизни хватает, а в нашей работе так через край, даже не к месту пошутить не грех. Знаешь, Лев Иванович, за столько лет что-то не помню, чтобы мы с тобой по душам разговаривали. К примеру, тебе не кажется странным, что я тебя по имени-отчеству зову?

– Мне безразлично, а ты зовешь как тебе удобнее.

– А ты знаешь, что ты талантлив?

– Талантлив? – Гуров отложил бумаги. – Не думал, знаю, что сыщик я стоящий. Некоторые вещи я делаю лучше, чем другие. К примеру, помощников вербую лучше тебя. Так это не от способностей каких, а от щедрости. Я редко требую результат немедленно, даю, что могу дать в рамках закона, а уж отдача – как сложится.

– Вербуешь лучше, считаешь быстрее и точнее, видишь то, что большинство не замечает. Ты, Лева, мне надоел, давай о деле.

Гуров взглянул недоуменно, пожал плечами.

– Вот так! – Крячко нагнулся через стол, ткнул в Гурова пальцем. – Ты на людей не смотри. Так взрослый смотрит на пацана, я-то знаю, что ты непроизвольно, а людям обидно!

– Не смотри, не говори, дышать-то можно? – Гуров улыбнулся.

– Дыши, разрешаю. – Крячко скорчил гримасу. – Друг мой, ну дерьмовая жизнь, и люди в большинстве своем не очень, так не бери все к сердцу, будь проще и чаще сплевывай. Тебе жениться надо, ребятенка родить...

– И сделать его сиротой!

– А ты не думай об этом!

– Кто за меня будет думать? У меня сейчас вроде романа. Маша хочет зарегистрироваться и рожать.

– Давай организуем!

– Рожать?

– Дурак, свадьбу организуем!

– Если у меня будет семья, я стану трусом.

– Значит, я трус?

– Тебя я берегу, меня убережь некому. Только я сам. Один.

– А я? А Петр?

– Петр поручил мне розыск «бюро», а ты промолчал. А ты понимаешь, что если такое «бюро» существует и я приближусь к нему, то сразу окажусь в зоне прямого огня? – Гуров смял лежавшую перед ним бумагу, швырнул в корзину. – Не знаю, люблю я Марию или лишь увлечен, но втягивать ее в омут не имею права... Да еще ребенок! С ума сойти можно.

– Лев Иванович! – Крячко вышел из-за стола и на манер Гурова стал расхаживать по кабинету. – Сотни ментов женаты и имеют детей!

– Сотни ментов – одно, а сыщик Гуров – иное, – сухо ответил Гуров. – Да, я не такой, как все, и сделать ничего не могу. Но я к тебе прислушиваюсь. Год назад ты сказал, что пью лишнее, я практически спиртное исключил. Теперь буду следить за собой, постараюсь быть мягче, интересоваться, как здоровье, как супруга, в какой класс перешел ребенок...

– Не надо! – перебил Крячко. – Лишнего не надо, людей напугаешь.

Звякнул телефон. Гуров снял трубку:

– Здравствуйте, слушаю вас внимательно, – и подмигнул Крячко.

– Здравствуй, Лев Иванович, ты здоров? Это Гойда.

– Привет, Игорь! Как здоровье, дома все в порядке? Прокуратура на месте? Ильюшенко сняли или он все еще в отпуске?

– Что с тобой? – удивился следователь прокуратуры. – Я работаю в прокуратуре города, меня и.о. Генерального мало интересует.

– Тогда выкладывай, что случилось?

– Вот, узнаю сыщика Гурова, – довольно произнес следователь. – Я получил анонимку, думаю, она тебя заинтересует.

– Анонимка? Это вряд ли!

– Шибко занят?

– Не скажу, начинаю одно дело, но очень не хочется.

– Вот и прокатись ко мне, тем более что у тебя новая машина.

- Насплетничали?
- Не каждый день ФБР дарит российскому менту автомобиль.
- Раз ты говоришь – надо, приеду. – Гуров положил трубку.

Кабинет старшего следователя прокуратуры ничем не отличался от множества других, чьими хозяевами были коллеги Гойды. Окно, боком к нему двухтумбовый стол, в углу сейф, три стула, у стены диван с высокой спинкой. Когда Гуров видел этот диван, всегда вспоминал молодость, первые годы работы в МУРе. Похожий диван стоял когда-то у него в кабинете, являлся гордостью не только опергруппы, но и всего отдела. Дежурный оперативник всегда мог вздремнуть на этом ложе.

Сыщик отлично помнил об упругих, не подвластных времени пружинах, которые таились под кожаным чехлом, садиться на диван остерегался и неизменно занимал стул у окна.

Когда Гуров вошел, следователь лишь кивнул и продолжал быстро писать. Если сыщик добывает свой хлеб, бегая трусцой по улицам, лазая по подвалам и чердакам, то следователь постоянно пишет или печатает на машинке, и ни один бывалый сыщик не променяет порой бессмысленную засаду в промозгом, вонючем подъезде на теплый кабинет следователя. Однако следователь свой геморрой, синюшную бледность лица тоже не променяет на сыщицкую долю. Каждый сходит с ума по-своему.

Следователь писал быстро, четкими фразами, строчки ложились ровно, словно по линейке. Наконец он поставил под написанным свою подпись, взглянул на Гурова задумчиво.

– Сегодня восемнадцатое сентября одна тысяча девятьсот девяносто пятого года от Рождества Христова, – сказал Гуров и закурил.

Гойда, круглолицый блондин лет сорока, написал число, захлопнул папку, начал массировать затекшие пальцы. Сыщик и следователь работали вместе сравнительно недавно, но относились друг к другу внимательно, даже бережно, зная, что дружба профессионалов родственников, однако различных профессий – явление достаточно редкое. Ведь кошка с собакой тоже живут в одном доме, порой пьют из одной миски.

– Ну что, дружище, служишь, нарушаешь закон? – Гойда откинулся на высокую спинку кресла.

– Обязательно, – улыбнулся Гуров. – Когда по самому краю ходишь, то нет-нет да и оступишься.

– Дерьмовые дела в нашей доблестной милиции.

– Равняемся на прокуратуру, она, как правофланговый, смотрит прямо, а мы направо, вот и заносит.

– Если изредка заносит, терпеть можно. – Гойда достал из папки конверт, протянул через стол.

Гуров взял конверт, вынул из него несколько снимков, просмотрел мельком.

– Я трупы однажды видел. Мужчина лет сорока, расстрелян из автомата, осмотр проводили ранним утром. – Он вложил фотографии в конверт.

– Почему ранним утром? – удивился Гойда.

– Я не прав?

– Прав. – Гойда взял конверт, вытряхнул фотографии, взглянул, убрал в папку. – Ты слишком умный.

– Мог бы сказать и по телефону. Долго разбегаешься, прыгай.

– Очередное заказное убийство. Управляющий банком, застрелен при выходе из дома.

– Случается.

– Не будь циником, тебе не к лицу.

– Кто из сыщиков занимается?

– МУР, ребята неплохие, стараются.

– Игорек, говори, не тяни резину. – Гуров взял с подоконника пепельницу.

– Понимаешь, банк разорился, неплатежеспособен, обычная история. Покойный был человеком, судя по всему, порядочным, за последний месяц продал дачу, две машины, выплатил что сумел... Жена и дочь у него живут то ли в Австрии, то ли в Германии, а брат в Москве. Якобы брат получил предупреждение: мол, если в течение двух недель не будут выплачены пятьсот тысяч долларов, включаем счетчик, а через месяц заказывай место рядом с покойным.

– А где работает брат? Он может выплатить такие деньги? – спросил Гуров, взглянул на следователя заинтересованно.

– Брат – член правления того же банка.

– Ты сказал, что он **якобы** получил предупреждение. Так он его получил или нет?

– Мне сообщили по телефону, что получил. Фамилия братьев Аляшины, покойный – Анатолий, живой – Борис. Я его допрашивал, вскользь спросил: мол, после смерти брата не было угроз, каких-либо требований? Он отрицает, мне кажется, он врет, боится.

– У Аляшина семья?

– Нет, одинок.

– Дай мне все его данные.

Следователь начал писать, сыщик продолжал:

– Что с тобой, Игорь? Ты же умница, заблудился в двух соснах.

– Поясни, – следователь протянул Гурову листок с полными данными на Бориса Аляшина.

– Долги банка невозможно покрыть суммой, вырученной с продажи дачи и машин. Покойник собирался выехать за рубеж, но, как говорят мои клиенты, жадность фраера сгубила. Ему следовало все бросить и улететь.

– Не обижай, Лев Иванович, я думал об этом. Судя по всему, покойный был человек умный и осторожный, но его взяли за горло, и он пытался вернуть не все долги банка, а лишь какой-то конкретный долг. При обыске квартиры заграничного паспорта не обнаружили, а он у покойного был. Есть основания предполагать, что паспорт забрали вместе с билетом на самолет.

– Возможно, покойный перевел значительные суммы на имя брата. Мафия разделалась с одним, принялась за другого. Ты подал мяч сразу после свистка. Сегодня утром генерал сообщил, что существует подозрение, что в криминальных структурах...

– Новообразование, – перебил следователь. – Аналитики пришли к выводу, что создана организация, скупающая долги.

– Верно, мы назвали эту организацию «Бюро добрых услуг».

– Тогда на крематории следует вывесить транспарант: «Добро пожаловать».

– А говоришь, что циник я. – Гуров погасил сигарету, поднялся, вытряхнул пепельницу в корзину, начал расхаживать по кабинету. – Очень возможно, что мы имеем дело именно с «бюро». Среди кредиторов банка есть знакомые лица?

– Егор Владимирович Яшин.

– Старый приятель, ничего не могу с ним сделать. Управление охраны Президента. Интересно, как Яшин попал в финансовые сферы? Я отвлекся. Если в милиции и прокуратуре известно, что долги начали выбивать централизованно, то руководство «бюро» об этом уже предупреждено. – Гуров сел, вздохнул. – Положение у меня, мягко выражаясь, хреновое.

Станислав Крячко, сидя за своим столом, писал, Гуров расхаживал по кабинету, диктовал:

– Установить за Аляшиным наружное наблюдение, телефон поставить на контроль.

– Кто исполнитель? – безразлично спросил Крячко. – Кто будет бороться с прокурором?

– Генерал-лейтенант Орлов.

– Шутки записывать?

– Записывать, записывать, – пробормотал Гуров. – Если начальник главка и наш любимый друг полагает, что его участие в предстоящей разработке ограничивается общими указаниями, он глубоко заблуждается.

– Генерал заблуждается, – повторил Крячко, но писал, конечно, иное.

Гуров на шутку не среагировал, продолжал:

– В задании «наружке» особо указать, что разработчиков главным образом интересует, не ведется ли за Аляшиным наблюдение. В случае, если такое наблюдение будет обнаружено, следует переключить свое внимание с Аляшина на ведущих наблюдение, о чем немедленно доложить разработчику. Написал?

– Бумага все стерпит.

– Посетить квартиру Аляшина и проверить, не установлены ли в ней подслушивающие устройства.

– Может, слово «посетить» расшифровать?

– Я не преподаватель ликбеза, не собираюсь учить профессионалов, как им проникнуть в квартиру. Они могут отключить телефон и прислать мастера либо придумать иной предлог. – Гуров начинал раздражаться, однако сказал: – Ты прав, слово «посетить» сродни «нанести визит» и абсолютно не годится. Напиши просто: проверить, нет ли в квартире Аляшина подслушивающих устройств.

– А если устройства имеются? – спросил дотошный Крячко.

– Тогда плохо, контрразведка в жизни не признается, мы будем гадать, кто подслушивание установил. То ли коллеги, то ли авторитеты. Работу с агентурой в этом плане указывать не станем.

– Хотя именно агентура может дать конкретный результат, – не удержался от реплики Крячко.

– Ты умный, но дурак, – парировал Гуров. – Я же не сказал, что с агентурой по данному делу не работаем. Я хочу иметь папку, которую в любой момент можно предъявить министру, замам, даже журналистам, считающим, что от них нет и не должно быть никаких секретов. Агентурные сообщения и работу по ним будем хранить отдельно.

– Мои помощники не имеют выхода на должный уровень, – сказал Крячко.

– Догадываюсь. Я думаю, что даже мой Харитонов, правая рука авторитета Лялека, мало чем поможет. В лучшем случае нам укажут дверь, за которой хранятся секреты, но открыть дверь не поможет никто. Станислав, как ты представляешь человека, способного организовать подобное «бюро»?

Крячко положил авторучку, отодвинул папку с бумагами, задумался. Гуров терпеливо ждал, неторопливо расхаживая по кабинету.

– Не вор в законе, они консервативны, к новшествам относятся настороженно, даже нетерпимо, так как их авторитет опирается на древние воровские обычаи.

– Однако человек должен иметь вес в определенных кругах, иначе сразу попадет под прессинг рэкета, – сказал Гуров.

– Он из ментов либо из бывшего КГБ, значит, человек, прекрасно знающий принципы агентурной работы. – Крячко выдержал паузу. – Допустим, таким промыслом занялся я, старший опер-важняк. Первое, самое сложное, подбор людей. Опасаясь проникновения агента, мое окружение должно не превышать трех человек. Желательно, чтобы они не знали друг друга.

– Согласен. Отношения со всеми тремя доверительные, но на каждого иметь компромат, – дополнил Гуров. – Один из троих должен быть вор в законе, осуществлять связь с ворами и зонами.

– А на кой нужна связь с ворами? – возразил Крячко. – Их время прошло.

– Верно, прошло, только воры этого признавать не желают. И зоны держат именно воры. С ними можно не сотрудничать, но и воевать сложно. Что ни говори, а вор в законе в организации нужен.

– Необходим и оперативник угро либо контрразведки, ему нужно подчинить боевиков. Такого человека лично я отыскал бы из своего прошлого. Лучше, если бы он и сейчас работал, но сгодится и уволенный, желателен несудимый. – Крячко задумался, покачал головой. – А может, лучше судимый?

– Вопрос спорный, – ответил Гуров. – Еще нужен молодой, головастый, управляемый бандит, имеющий авторитет среди «отмороженных».

– У них нет авторитетов.

– Есть, Станислав. Другое дело, что они долго не живут. Состав окружения понятен, мы, может, и ошибаемся, но, думаю, ненамного. Как говорится, возможны варианты. Я полагаю, что главарь русский. Прибалт исключается, украинец или белорус в Москву не ползет, азербайджанец, любой кавказец – это национальные распри. Русский в уголовной среде как бы не имеет национальности.

– Хорошего ты о нас мнения.

– Это не я о нас, а мы о себе, – усмехнулся Гуров. – К тебе за помощью обращается человек, ты ему протянешь руку только потому, что он русский? Нет. А чечен – чечену, абхазец – абхазцу и так далее протянут, да не одну руку, а обе. Нас много, империя была Российской, бывший Союз ходил под Москвой, потому русские объединяются не по национальному признаку, а по интересам. В общем, это сложный вопрос, считаю, что главарь преступного новообразования русский.

– От тридцати пяти до сорока пяти лет. – Крячко сунул в рот жвачку. – «Орбит» без сахара. Тебя не раздражает, что я жую?

– Ты, главное, думай. Я бы допустил и тридцать лет. Сейчас банкирами становятся и в двадцать пять.

– Пусть тридцать, но не старше сорока пяти.

– Не семейный, я имею в виду жену и детей, родители могут быть, но живет отдельно.

– Не факт, но скорее всего. – Гуров перестал расхаживать, присел на угол стола. – Он человек закрытый, хотя изображать способен невесть что, обязательно тщеславный, с комплексом неполноценности.

– У каждого человека, даже у тебя, имеется комплекс неполноценности.

– Имеется, имеется. – Голос у Гурова словно треснул, даже оттянуло в хрип. – Я похож на рыбу, которая не любит воду, но жить в иной среде не может.

– Не понял? – Крячко чуть не подавился жвачкой.

– Я русский и живу в России. Не будем об этом. Еще я сыщик и терпеть не могу свою профессию. Так что у меня комплексов выше крыши!

– Ладно, прекрати, не наговаривай на себя. – Крячко растерялся, подвинул телефон, начал набирать номер, положил трубку. – На чем мы остановились?

– На том, что ты меня уговариваешь жениться на Марии, а я не могу забыть Татьяну, которую убили по моей вине.

– Я сказал тебе – прекрати! Нельзя все мерзости жизни взваливать на свои плечи.

– Человек без памяти не человек, а манкурт.

– Давай выпьем и на сегодня закончим.

– Я больше не держу в кабинете спиртное.

– Поехали к тебе, ты принципиальный, а я обыкновенный, живой и слабый. Я выпью, а ты будешь наливать и упиваться своей силой.

Крячко собрал со стола бумаги, убрал в сейф.

Трагедия произошла минувшей весной. Гуров приятельствовал с молодой обаятельной женщиной, режиссером телевидения Татьяной. Они были близки, подумывали о женитьбе, но событий не форсировали, жили и жили, люди взрослые – понимали, что штамп в паспорте значения не имеет. Гуров вел очередную разработку, разыскивал огромную сумму фальшивых долларов, которую заслали в Россию через Италию. В розыске принимал участие Интерпол. Параллельно с МВД и ФБР фальшивые банкноты искали и российские авторитеты, которые напали на след Гурова, оказавшегося ближе других к цели.

Однажды поздним вечером Татьяна уговорила Гурова разрешить ей сесть за руль «Жигулей», так как машин в это время на улице было мало, сыщик уступил просьбам. И надо же такому случиться, что именно в этот вечер на Гурова напали. Если бы он сам сидел за рулем, то наверняка в зеркало заднего вида увидел бы быстро догонявшую их «девятку», а, находясь на правом сиденье, он момент нападения упустил. Из «девятки» полоснули из автомата, видимо, машину Гурова знали, били по водителю...

Пересказывать кровавую бойню, которая произошла сразу после первой автоматной очереди, не имеет смысла. Сыщик расправился с нападавшими, но Татьяна погибла, и Гуров в смерти женщины винил себя. У Татьяны осталась дочь, девочку забрала к себе родная тетка. Гуров, бывший уже на пороге семейного благополучия, вновь остался один. Все попытки Крячко вытащить друга из «берлоги» кончались неудачей. Станислав позвонил телевизионному ведущему Александру Турину, грубо напомнил, что не так давно полковник Гуров спас «звезде» жизнь, и потребовал помощи. Александр оказался парнем приличным, стал приглашать сыщика на светские вечера, премьеры, презентации, в модные клубы, в которые модного телеведущего приглашали непрерывно. Гуров вяло отказывался, порой соглашался. Когда понял, что бестолковая суэта светских сборищ отвлекает его, а порой и смешит, начал сопровождать Турина с удовольствием. Особенно сыщик развлекался, когда его начали принимать за телохранителя и шофера и «коллеги» поучали, давали советы, порой делали замечания: мол, при интимном разговоре шефа с дамой нашему брату присутствовать не следует. Или наоборот. Гурову указывали, что он отпустил «хозяина» в туалет одного, чего делать никак нельзя. После чего сыщику рассказывались страшные истории, как однажды... Гуров слушал внимательно, всегда соглашался, а так как на подобных сборищах бывали одни и те же гости, а соответственно и охранники, то полковника-важняка вскоре считали за своего парня, сочувствуя, что в солидном возрасте, а возраст выдавали седые виски, и, видимо, в прошлом начальник, занимается черной работой.

На одном из таких вечеров Гуров и познакомился с Марией. Актриса театра, лет тридцати пяти, она была хороша собой, в кино снималась мало, на телеэкране почти не показывалась, ее знали и узнавали только профессионалы, а широкая публика особенно и не реагировала. Познакомился Гуров с Марией, можно сказать, случайно.

Был а-ля фуршет, и далеко не бедные и, уж точно, не голодные люди вели себя у стола довольно агрессивно. Гуров в схватке участия не принимал, взял бокал шампанского, которое не любил, и сел в сторонке, с интересом наблюдая за происходящим. Он забыл спросить у Турина, по какому поводу банкет, и сейчас пытался определить, кто же виновник торжества.

– Интересно? – спросила женщина, присаживаясь на соседнее кресло.

– Очень. – Гуров, взглянув на соседку, отметил, что она красива, но в данный момент раздражена, спросил: – Вам что-нибудь принести?

– Благодарю. – Женщина глянула на Гурова вызывающе. – Если вы столь любезны, угостите сигаретой.

Гуров открыл портсигар, щелкнул вмонтированной в него зажигалкой.

– Спасибо. – Соседка пыхнула сигаретой неумело. – Портсигар. Вы старомодны?

– Видимо, – ответил Гуров, не мог же он сказать, что носит портсигар с собой, так как на его полированную поверхность удобно снять пальцевые отпечатки.

– Завтра по телевидению покажут премьеру фильма, где я снялась в главной роли. На экране я красивая.

– Вы и в жизни красивая и прекрасно об этом осведомлены, – сказал сдержанно Гуров, пододвигая пепельницу поближе к женщине.

– Спасибо, вы в театре бываете?

– К сожалению, нет. – Гуров пожал плечами и улыбнулся, так как за столом два популярных артиста сражались за блюдо с заливной осетриной и изощрались в остроумии.

– Вы улыбаетесь, неужели вам не противно?

– Люди. – Гуров вновь пожал плечами. – Взрослые и непосредственные. Интересно.

– Это Жорка-то непосредственный? Вы дитя. – Соседка протянула руку: – Мария, – и назвала свою фамилию.

Гуров понял, что от него ждут соответствующей реакции – судя по всему, фамилия Марии должна была произвести на него впечатление, и Гуров встал, поцеловал руку.

– Рад знакомству. Гуров Лев Иванович.

– Гуров... Гуров... Простите, вы где снимались?

– Я юрист, уголовное право, – ответил Гуров.

– Как же вы оказались на этой тусовке?

– Пригласил приятель.

– Кто? Или это секрет?

– Саша Турин. Он тоже не артист, хочет договориться об интервью, а я лишь сопровождающий.

– Вроде телохранителя?

– Почему вроде? – Гуров не смотрел на актрису, понимал, что это невежливо, но что-то мешало ему поднять взгляд, да и не хотелось изображать заинтересованность. – Я профессиональный охранник.

– Я вам совсем не нравлюсь? – неожиданно спросила она.

– Простите, я как-то об этом не думал. – Гуров понимал, что хамит, но остановиться не мог, взглянул на актрису. – Последний раз я влюбился с первого взгляда в классе девятом.

– У вас красивые глаза, но взгляд недобрый. – Актриса абсолютно не смутилась, говорила легко. – Однако человек вы, по-моему, незлой.

– Я разный, и хватит обо мне, лучше расскажите, какой фильм завтра покажут по телевизору?

– Глупости, я брякнула со злости. Я не люблю кино, потому что кино не любит меня.

– Машенька, куда ты запропала? – спросил подошедший к ним мужчина, взглянул на Гурова безразлично, кивнул, обронил: – Извините, – и взял актрису под руку. – Пойдем, Мария, я тебя покормлю.

– Увидимся, – сказала актриса Гурову и пропала в толчее у стола.

Гуров попытался разыскать Турина, увидел, что тот беседует с известным актером, не подошел и уехал. Сыщик забыл о новой знакомой, как взрослый мужчина забывает красивую актрису, увиденную на экране. Красивая чужая женщина, не имеющая к нему никакого отношения.

На следующий день Александр Турин позвонил Гурову на работу, но сыщик торопился на встречу с агентом, и разговора не получилось. Гуров сказал, что сейчас занят, вечером будет дома. Александр ответил, что позвонит, и Гуров окупился в круговерть оперативных забот, а о звонке забыл. Однако вечером Турин позвонил вновь, сказал, что находится неподалеку, попросил разрешения зайти. Вскоре он входил в квартиру Гурова, да не один, а с Марией.

Вторая встреча разительно отличалась от первой. Актриса была без яркого макияжа, держалась спокойно, даже застенчиво. Гуров ухаживал за гостями. Турин рассказывал телевизионные байки, старался создать непринужденную обстановку, но актриса и сыщик молчали,

лишь изредка роняя короткие фразы. В конце концов телеведущий выпил рюмку водки и сказал:

– Все! Мой запал кончился, мне надоело. Я вас познакомил, вы люди взрослые, разберетесь. Каждый из вас одинок, вы оба умные, порядочные люди, нравится – дружите, не желаете – расставайтесь. Я не массовик-затейник, даже не ведущий развлекательной программы. Маша, этот мужик неопасен, я с чистой совестью покидаю тебя.

Когда Турин раскланялся и ушел, Мария скинула туфли, по-домашнему поджала ноги, устраиваясь в мягком кресле удобнее, и сказала:

– Налей мне водки. Мы будем разговаривать на «ты», не бойся, это тебя ни к чему не обязывает.

– Меня обязать сложно, – ответил Гуров, наполнил рюмку, сделал бутерброд, подал гостю.

– Лев Иванович, ты не пьешь в принципе? – спросила Мария, выпила и закусила.

Гуров тоже выпил и усмехнулся:

– Я как раз в принципе пью. У меня есть друг, который год назад сказал, что я злоупотребляю.

– Понятно. – Мария протянула свою пустую рюмку. – А ты действительно знаменитый сыщик?

– При жизни сыщики знаменитыми не бывают. – Гуров наполнил рюмку гостю. – Я живой сыщик, а это немало.

– Понимаешь, сыщик, мою квартиру сейчас занимает человек, которого я видеть не хочу. Саша мне сказал, ты живешь один, не уступишь мне твой диван на пару дней, пока я со своим постояльцем не разберусь? Я, конечно, могу устроиться у подруги, но, честно сказать, очень не хочется вести бабские разговоры. Я тебя не шокирую?

– Оставайся, – просто ответил Гуров, взглянул на гостю внимательно и добавил: – Ты мне сегодня нравишься.

– Спасибо. Я постараюсь уладить свои дела побыстрее и тебе не мешать.

– Ладно. – Гуров кивнул, принес из спальни подушку, чистое белье и пижаму, оставшуюся в его доме после Татьяны.

Мария развернула пижаму, вопроса не задала, уложила все на диван.

– Ты во сколько ложишься? – Она начала убирать со стола.

– По-разному. Я порой не ночую, буду предупреждать звонком. Если не сумею позвонить, в двенадцать запирайся на засов, двери стальные, на звонки в дверь не открывай, к телефону не подходи, я буду звонить с интервалом два раза. Понятно?

– Понятно.

– Мой номер никому не давай. Ключи я тебе дам, постарайся их не потерять.

– Ключи я у тебя не возьму, обычно я возвращаюсь поздно, откроешь.

– А если я не приду?

– Не волнуйся, совершеннолетняя, я не хочу доставлять тебе неудобства.

– Как знаешь. – Гуров взглянул на часы. – Укладывайся, ванная рядом. – Он указал на дверь. – Я немного почитаю, уляжешься, свистни, зайду пожелать тебе спокойной ночи.

– Хорошо. – Мария отнесла посуду на кухню, начала мыть и сказала Гурову, который стоял на пороге: – А фильм мой сейчас кончился. Между прочим, я впервые снялась в кино в главной роли. Режиссеры меня почему-то не привечают, говорят, нет индивидуальности, мол, просто красивая баба. Интересно, в театре я играю характерные роли, а в кино у меня нет индивидуальности.

– Какие твои годы, еще наиграешься, – сказал равнодушно Гуров, вытирая тарелки и думая о своем.

– Тридцать семь, вроде немного, но для героини достаточно. – Мария видела, что хозяин не слушает, говорила, чтобы не возникала неловкая пауза. – Хотя Гурченко после «Карнаваль-ной ночи» не снималась сто лет, сегодня она звезда. Я с Людмилой талантом не равняюсь, но ведь такую актрису чуть не закопали. Мне надо попасть в команду. У всех больших режиссе-ров своя команда... Мне один мафиози сказал... Назови режиссера, дорогая, – Маша начала говорить с кавказским акцентом, – только имя его скажи, я обещаю, он тебя будет снимать.

– И теперь этот «продюсер» живет в твоей квартире? – Гуров взял у Марии мокрую тарелку.

– Мои проблемы – это мои проблемы.

– Как знаешь. – Гуров повесил полотенце и ушел в спальню.

Он зажег торшер, взял томик Азимова и сел в кресло. «Удружил Сашка, сукин сын, только подобной головной боли мне и не хватало. Девчонка хорохорится, но у нее беда, ясно, как таблица умножения! А я не пожарная команда, черт побери». Он накручивал себя как мог, клялся, что ввязываться в чужую жизнь не станет, своих неприятностей хватает.

– Лев Иванович, я устроилась, а свистеть не умею! – крикнула из гостиной Маша.

– Свистеть я тебя научу. – Гуров опустил в кресло, стоявшее рядом с диваном, заку-рил. – А жить не научу, так как сам не умею.

– Ты очень сильный, тебе проще.

– Серьезно? – Гуров взял со стола пепельницу. – Кому проще, тебе, примадонне театра, или студентке первого курса ВГИКа? Ее взяли на эпизод, уже успех.

– Ты прав, – Маша села, подоткнула одеяло, – на каждого верблюда грузят столько, сколько он может унести. Дай сигаретку.

– Не дам. – Гуров убрал пачку в карман. – Ты не куришь и не к чему учиться. Спокойной ночи.

Он включил торшер, погасил верхний свет.

– А прощальный поцелуй?

– Завтра утром. – Гуров ушел в спальню и закрыл за собой дверь.

Маша выключила торшер, не спала, размышляла о том, что напрасно полагает, мол, знает мужчин, хозяин – экземпляр редкий, ранее не встречавшийся. И дело не в том, что не лапает, не лезет в койку. Гуров совершенно не играет, не пытается произвести впечатление, он абсо-лютно естествен. Уж это она, женщина и актриса, чувствует точно. Мужчины в ее присутствии ведут себя по-разному. Одни становятся развязными, начинают хохмить, говорить без умолку, другие замыкаются, молчат, изображают равнодушие. Распространена категория мужчин, даю-щих понять: ты хороша, не спорю, но и такие, как я, на дороге не валяются, будем проще, валяй в койку. Мужчины, они тоже разные, но практически каждый хочет понравиться, произвести впечатление, а милиционеру наплевать, как он выглядит и что она, известная актриса, о нем думает. Остаться на ночлег он разрешил из вежливости, не скрывает, что присутствие в доме женщины хозяина в восторг не приводит. И при этом он не скрывает, что незваная гостья ему нравится, он не прочь с ней переспать, но первым руку не протянет. «Ну-ну, господин сыщик, посмотрим, надолго ли вас хватит». С такими мыслями Мария и заснула.

Утром они почти не разговаривали, быстро позавтракали – чашка кофе и бутерброд, вместе вышли из дома.

– Тебе куда? – спросил Гуров. – Если недалеко, подброшу.

– Не беспокойся, я доберусь, – ответила Маша.

– Ты не ответила на вопрос. – Гуров отключил охранное устройство стоявшей у тротуара иномарки.

– Так и держишь машину, не боишься? Какая это марка?

– «Пежо». Франция.

– Довези до Маяковской. – Мария села в машину. – Надеюсь, это недалеко?

Он не ответил, сел за руль, спросил:

– Когда ты думаешь вернуться?

– Спектакль заканчивается в десять. – Она назвала свой театр.

– Я тебя встречу. Если буду занят, тебя встретит мой друг. Его зовут Станислав. А в принципе это неудобно, следует вопрос с твоим возвращением решить. Мало ли что может случиться, мы можем быть заняты.

Мария видела, мужчина думает о своем, раздраженно ответила:

– Я постараюсь подстраховаться, если в десять минут одиннадцатого вас не будет, поеду к подруге.

– Договорились.

– Ты всегда едешь так аккуратно?

– Всегда.

Марии захотелось вывести Гурова из себя, заставить разозлиться:

– Интересно, сколько стоит такая машина и на какие деньги ты ее купил?

– Сколько она стоит, я не знаю, машину мне подарили.

– Просто взяли и подарили? Вроде взятки?

– В знак благодарности. – Гуров постоянно смотрел в зеркало заднего вида, на язвительную соседку не обращал внимания.

– Кто же тебе так благодарен? Или это секрет?

– Не секрет. Машину мне подарило ФБР. Мы вместе работали, я американцам немного помог. – Гуров выехал на Садовое кольцо. – Значит, если ничего не случится, в десять я тебя встречу.

В министерство Гуров приехал злой, весь день писал бессмысленные отчеты, справки, запросы, затем коротко обрисовал ситуацию Крячко и спросил:

– Мне это надо?

– Надеюсь, она хороша собой? – спросил Крячко.

– Хороша, хороша, – раздраженно ответил Гуров. – Но она актриса, привыкла к вниманию, а я человек свободный...

– Извини, – перебил Крячко. – Давай встретим ее у театра, отвезем в ее квартиру, постоянно выселим. Если актриса врет, оставим с хахалем, пусть разбирается. Ты не пожарная команда.

Глава 2

Гуров был действительно не пожарная команда, но мужик обыкновенный, и через три дня совместного проживания в одной квартире с красивой женщиной понял, что если не влюблен, то увлечен серьезно. Мария это мгновенно почувствовала и, ни слова не говоря, перебралась с дивана в спальню.

Около месяца они жили словно новобрачные, разговаривали мало, отношений не выясняли. Серьезного дела у Гурова в настоящее время не было, он утром отвозил Марию на репетицию, вечером забирал ее после спектакля или концерта, был сдержан, но внимателен, дарил цветы, порой ходил на спектакли. Мария чувствовала, что Гуров чего-то напряженно ждет, вопросов не задавала, так как поняла: сыщик не любит, когда ему досаждают вопросами.

«Терпи, – говорила себе Мария, – терпи и жди. Вцепись, держи крепче, таких мужиков уже давно не делают, если ты, дура, его потеряешь, будешь жалеть всю оставшуюся жизнь». Он был статен, интересен, умен, но все это было не главное. Никогда в жизни Мария не чувствовала себя так спокойно и уверенно, казалось, она стала талантливее, значительнее, перестала обращать внимание на театральные и киношные дрызги и сплетни, после встречи с этим мужчиной Мария стала словно моложе, но одновременно и мудрее, и ироничнее. Казалось, он обладает сильнейшим биополем, которое не пропускает людскую злобу, зависть. Марию перестали раздражать даже хамство продавцов в магазинах и постоянное брюзжание ее костюмерши. Екатерина, так звали грозную костюмершу, однажды спросила:

– Маша, где ты отыскала такого мужика? Он будто не из нашего мира, я его даже боюсь.

– Я его тоже побаиваюсь, – призналась Мария. – Будем терпеть.

– Ты знаешь, Мария, ты стала красивее.

– Я стала увереннее. Но мне почему-то страшно, боюсь проснуться, ведь так не может долго продолжаться. Он дает мне силы, но словно ждет от меня чего-то невозможного.

Гуров действительно ждал. Он знал, затишье в его работе – дело временное, раньше он не боялся приближающейся бури, за двадцать с лишним лет службы он пережил не одну. Он не был бесстрашен, но относился к острым критическим ситуациям философски – у каждого человека своя судьба, любую дорогу необходимо пройти до конца. Сейчас он понял, когда грянет гром, то окажется более уязвим, чем обычно, защищать себя привычно, защищать двоих значительно труднее. Сыщик успокаивал себя, ведь он любил и когда-то был женат, однажды у него украли жену и ее малолетнюю сестру. Он тогда отбил, даже победил. Но то было другое время, иные преступники, человеческая жизнь стоила дороже. Кроме того, Гурова преследовало воспоминание о гибели Татьяны, которую расстреляли по ошибке, ведь пули предназначались ему, сыщику.

И настал день, когда генерал Орлов поручил полковнику Гурову разыскать «Бюро добрых услуг», профессиональных убийц, принимавших заказы на взимание долгов и ликвидацию неугодных.

Сыщик начал работать, и судьба в лице старшего следователя прокуратуры Игоря Федоровича Гойды услужливо подбросила ему козырную карту. Но если игра ведется с козырями, то они выпадают как в твои руки, так и в руки противника. В такой закономерности сыщик не сомневался.

Станислав Крячко любил бывать в квартире друга. Такие вечера выпадали нечасто, в основном они случались, когда оперативники вели серьезную разработку. Так и сегодня, друзья не договорили в кабинете, приехали к Гурову, который сразу отправился на кухню, Станислав позвонил жене, сказал, где находится.

– Передавай Льву Ивановичу привет и учти, что я позвоню дежурному по ГАИ, предупрежу, что ты водишь машину в нетрезвом виде.

– Спасибо за заботу, учти, что расходы, связанные с твоим звонком, за твой счет. Целую. Станислав пришел на кухню, открыл холодильник.

– Супруга спровоцировала меня на сто грамм.

– Закусывать будешь пельменями. Имеется овощной салат, но ты его не получишь. –

Гуров налил в кастрюлю воды, бросил щепотку соли. – Мария, кроме овощей, вечером ничего не ест, извини.

– Ты ее сегодня встречаешь?

– Нет, режиссер привезет, во сколько закончится смена – неизвестно.

– Ты не ревнуешь?

– Как когда, сегодня не ревную.

– Женись и быстрее рожай сына, тебе уже черт знает сколько лет. – Крячко достал из холодильника початую бутылку водки, налил половину стакана, выпил, хрупнул огурцом. – Я зарок не давал, мне легче.

– Не оправдывайся, алкаш. – Гуров вскрыл пакет с пельменями. – Как ты полагаешь, Егор Владимирович Яшин для получения долгов может обратиться в криминальную структуру?

– Это вряд ли, – копируя Гурова, ответил Станислав. – Считаю, он от криминала отошел. – Крячко убрал бутылку в холодильник. – У тебя вода кипит.

Гуров высыпал пельмени в кастрюлю, помешал ложкой, задумался, сказал:

– Яшин умный, согласен, однако он по своей природе трусоват. Нам надо же с чего-то начинать.

– Подождем результатов наблюдения за Аляшиным. Я считаю, ты рассудил верно, Аляшина могут «пасти», если мы выйдем на тех «пастухов»...

– То ничего хорошего не выйдет, – перебил Гуров. – Мы получим третьесортных исполнителей, которые ничего не знают.

– Так какого черта ты затеял всю историю?

– Сам знаешь, завел папку, в нее нужно класть бумаги.

– Значит, для галочки? – Станислав глянул недоуменно. – Сколько тебя знаю, ты никогда...

– Старею, становлюсь циником, – вновь перебил Гуров. – Честно сказать, не хочу так быстро вылезти на линию огня. Если за Аляшиным наблюдают, то, повторяю, это люди переднего края, автоматчики. А нам нужны штабисты.

В дверь прерывисто позвонили.

– Мария, – сказал Гуров, взглянув на часы. – Странно, она должна быть на съемках.

Мария ворвалась в квартиру, снимая на ходу плащ, чмокнула Гурова в щеку, взъерошила волосы Крячко.

– Привет, Станислав! – Глаза у нее радостно блестели, но на Гурова женщина не смотрела. – Мальчики, у меня потрясающая новость!

– Тебе сделал предложение принц Монако. – Гуров снял с плиты кастрюлю с кипящими пельменями.

– Приблизительно! Откуда ты знаешь? Ты всегда все знаешь, с тобой неинтересно! Я тоже хочу пельмени! К черту диету, налейте мне рюмку. Гуров, сегодня ты тоже выпьешь!

– Ну-ну. – Гуров выставил на стол полбутылки водки и бутылку коньяку, стал накрывать. – Вымой руки, садись за стол, рассказывай.

Мария пыталась жестами что-то объяснить Крячко, но он покрутил пальцем у виска: мол, дурак и не понимаю, и женщина убежала в ванную комнату.

– Станислав, кажется, мне улыбнулось счастье. Машка куда-то уезжает. Самое время, мне сейчас женщина будет мешать, – сказал Гуров.

– Ты же ее любишь!

– Именно поэтому и будет мешать...

Вернулась Мария, оглядела стол, театрально всплеснула руками:

– Бедность – не порок, но большое свинство! Станислав, почему не налито?

– Простите, мадам! – Станислав налил в рюмки водку, пустую бутылку убрал под стол.

– Сели! – Мария подняла рюмку. – За мой талант и удачу!

– Ура! – Крячко чокнулся с Марией и выпил.

– У меня сегодня были пробы у очень славного человека, но посредственного режиссера, – начала рассказывать Мария, – сценарий и роль так себе, в общем, работа за деньги, не более того. Ну, пробы и пробы, рутинка, хотя все стараются, сегодня сняться в кино – удача. Я сосредоточилась, покойную маму вспоминаю, у меня по роли душевная травма, чувствую, партнер на меня не реагирует, взглядом мажет, нервничает. А по сценарию он влюблен в меня, должен гореть, глаз не сводить. Я уж и так, и эдак, не могу его достать, и все тут. Я сорвалась, со мной редко случается, швырнула тарелку об пол, как закричу на него, рубашку на груди рванула. Ты мужик или нет, ты же меня любишь, хочешь! На площадке тишина, Володька, режиссер, заметался, успокаивает. Неожиданно за моей спиной кто-то громко захлопал и басом: «Браво, Мари! Браво! А мне говорят, у тебя темперамента нет!»

– Станислав! – Мария указала на пустую рюмку. – Значит, захлопали и реплика про мой темперамент. А я рубашку-то порвала и по пояс обнаженная. Разозлилась, чувствую, горю вся, повернулась, а мне со света не видно, кто там хлопает и комментирует... – Она замолчала, смутилась, взглянула на Гурова, одернула кофточку, как бы проверяя, что сейчас одета нормально.

– Так кто же из великих появился на ваших пробах? – спросил спокойно Гуров.

Мария назвала фамилию известного режиссера, покраснела.

– Я всегда мечтала сняться у него в фильме.

– Я тоже его очень люблю. Что ты мнешься, словно девица на выданье. Он сделал тебе предложение?

– Сделал! Оказывается, он ради меня и на пробы приехал, и с нашим режиссером уже договорился.

– Как же он с режиссером договаривается, актрису не спросив? – удивился Гуров.

– Я же на пробах, считай, почти замужем.

– Короче, Маша, чем все кончилось?

– У маэстро российско-итальянская постановка, фильм уже в производстве, героиня тяжело заболела. Денег на западную звезду нет, приехали в Россию, что подешевле искать. Оказывается, мэтр давно ко мне присматривался. А тут я такой экспромт выдала, все сложилось.

– Когда же ты улетаешь? – Гуров взглянул на Крячко: мол, я же говорю.

– Ты ревнуешь? Пойми, я не могу отказаться. Такие предложения случаются раз в жизни.

– Я не мальчик, Мария. – Гуров поднял рюмку и выпил.

Сыщик был безмерно рад отъезду Марии. Рад и за нее, но больше – за себя. В сегодняшней ситуации ему были необходимы свобода, одиночество. Обдумывая и принимая острые решения, он любил побыть один, даже присутствие молчаливого в подобных случаях Станислава мешало. Но сейчас сыщик думал лишь о том, как бы не выдать охватившую его радость. Мария могла не понять, а объяснить подобное невозможно.

– Я за тебя рад, – сдержанно сказал он. – Когда ты улетаешь?

Женщина посмотрела ему в глаза, когда заговорила, голос у нее дрогнул, но вскоре окреп:

– Я боялась, что ты расстроишься, ты же обрадовался. Ты искренне рад за меня, но больше – за себя. Тебя обмануть трудно, я женщина и актриса, меня тоже обмануть не просто.

– Друзья, я сейчас уберусь, послушайте человека со стороны. В жизни далеко не всегда надо выяснять отношения. Я, возможно, вульгарен, но давайте выпьем за ваш успех.

Паспорт, визы, авиабилет Марии были оформлены за три дня. Она улетала днем, и Гуров приехал из министерства домой около двенадцати. Два чемодана и дорожная сумка стояли уже в гостиной. Мария обняла Гурова, прижалась и прошептала:

– Как же ты тут без меня?

Фальшивые слова из какого-нибудь спектакля, подумал Гуров, погладил актрису по голове, поцеловал в затылок.

– Постараюсь не подвести.

– Я вернусь, и мы поженимся, верно?

– Будем решать неприятности по мере их поступления, – усмехнулся Гуров. Он усадил Марию на диван, принес из кухни бутылку коньяка и две рюмки, одну наполнил, в другую налил символически. – По русскому обычаю, на дорожку.

– Мы выпьем в Шереметьеве, все вместе.

– Я не поеду в аэропорт, – сказал Гуров и, чтобы смягчить свой отказ, соврал: – Служба. Вызывают к министру.

– Ты врешь и ты сердишься! – Мария отставила рюмку. – Неужели ты не понимаешь, что означает для меня такая картина? В главной роли в ленте такого мэтра! Это наверняка Канны, пропуск в мировой кинематограф!

– Я прекрасно понимаю, – искренне сказал Гуров. – Тебе улыбнулась удача, я рад за тебя и желаю тебе всего-всего наилучшего! – Он поднял рюмку.

Серые глаза женщины потемнели от гнева:

– Ты говоришь так, словно я уезжаю не на съемки, а из твоей жизни.

– Не надо театра, дорогая. – Гуров чокнулся с рюмкой Марии. – Мы были счастливы больше месяца, не всем людям такое счастье выпадает в жизни. Не гневи бога, Мария, скажи спасибо за то, что есть, а будущее... До него надо дожить.

– Скажи, что будешь ждать!

– Я тебя буду очень ждать. – Гуров улыбнулся, так улыбается взрослый человек на вопрос ребенка.

– Гуров, ты страшный человек!

– Если тебе легче расстаться в ссоре, не отказывай себе ни в чем. – Гуров закурил и этим как бы остановил предстоящие объятия и поцелуи.

– Ты большой, умный и сильный! – Мария выпила свою рюмку. – Хочешь ты этого или не хочешь, но я вернусь!

Гуров согласно кивнул, понимая, что в данный момент женщина абсолютно искренна. Но когда самолет наберет высоту, она окажется уже в другом мире, в котором будет своя правда. И нет в жизни правых и виноватых, есть сама жизнь.

За Марией приехали два молодых человека, подхватили чемоданы, попытались уговорить Гурова поехать в аэропорт. Сыщик ответил холодной улыбкой, обнял Марию, развернул лицом к дверям, шлепнул по заднице, сказал:

– Ни пуха! – и остался один.

Он прошелся по квартире, в спальне убрал в тумбочку будильник Марии, в ванной без надобности переставил флаконы с туалетной водой, стер с зеркальной полочки пудру и брызнул на стены дезодорантом, подумал, что похож на преступника, который затирает опасные следы.

Неожиданно приехал Крячко, огляделся, сказал:

– Не бери в голову, скоро вернется. Сейчас в Италии, наверное, тепло, девушка загорит.

– Мы с тобой, Станислав, ее загар не увидим. – Гуров прошел на кухню, убрал в шкаф коньяк, включил чайник.

Крячко молча уселся за стол, после небольшой паузы сказал:

– Не увидим в жизни – увидим в кино.

– Обязательно, – усмехнулся Гуров. – Наш роман был попыткой с негодными средствами. Оба взрослые, оба лидеры, для каждого на первом месте – работа. Марии нужен муж-поклонник, который аккуратно ходит на службу, основное его занятие – встречать и провожать знаменитую жену, переживает ее успехи и неудачи, ревнует – в общем, ведет себя соответственно отведенной ему роли. А мне нужна жена-домохозяйка, которая меня тоже встречает, провожает, в основном – ждет. Существует пословица: мол, в тридцать лет жены нет и не будет. Следует принимать жизнь такой, какая она есть, и не изображать из себя Геракла. Все!

– Я сейчас виделся со старшим группы наружного наблюдения, – естественно сменил тему Крячко. – Они установили, что за Борисом Аляшиным ходит «хвост». Точно, не профессионалы, но люди достаточно квалифицированные. – Он вынул из кармана конверт, положил на стол. – Вот фотографии.

– Что же ты молчал? – Гуров вынул из конверта снимки, начал разглядывать. – Вот здесь, на втором плане... Кавказцы?

– Похоже, – неопределенно ответил Крячко. – У тебя чайник кипит, сделай мне кофейку.

– Почему московская группировка использует кавказцев? – Гуров начал заваривать кофе.

– Снимок плохой, второй план размыт, может, чудится.

– Ты сегодня же сядешь в машину к ребятам и глянешь на этих людей.

– Уже договорился. – Крячко взглянул на часы. – Они подъедут к твоему дому через десять минут.

Гуров и Крячко сидели за своими столами, то есть друг против друга. У Гурова было деревянное кресло с высокой прямой спинкой и подлокотниками, сыщик несколько лет назад купил его в комиссионном магазине. Сыщик сидел, упираясь затылком в резную спинку, закрыв глаза. Когда он слушал, то всегда сидел таким образом. Крячко к этому привык и называл такое сидение позой фараона. Хотя Станислав и шутил, но подметил точно: величественная неподвижная поза, прямая спина, руки на прямых подлокотниках, закрытые глаза – точно фараон на своем царственном троне. Крячко же сидел в современном вертящемся кресле, некогда оно походило на кожаное, но время выявило его фальшивую суть, из потертостей вылезал поролон.

На столе перед Крячко лежали записи, но он говорил, не заглядывая в бумаги:

– Наблюдение за Аляшиным ведется на трех машинах, но не одновременно, а попеременно. Владельцы двух машин установлены, третья – двадцать четвертая «Волга» стоит в гараже, обслуживающем депутатский корпус, ни за кем персонально не закреплена. Наблюдение ведут посменно семь человек. Я наружное наблюдение с Аляшина снял, выставил за неким Рзаевым Назим Баба-оглы, судя по всему, он старший, прописан в Москве, ночует последние два дня в гостинице «Минск». Есть основание полагать, что у него в гостинице знакомая женщина. Группа интернациональная, кроме азербайджанцев, в нее входят узбек, казах, грузин и трое русских. Личности устанавливаются.

Отмечено, наблюдаемый Аляшин часто пользуется телефоном-автоматом, что для москвича – явление нетипичное. Автоматов исправных мало. Пожалуй, на сегодня все, Лев Иванович.

– Каковы твои соображения? – спросил Гуров.

– Мы имеем дело с группировкой, – ответил Крячко. – Размер ее сейчас определить трудно, но три машины и семь человек – не кот чихнул. В отношении участия в работе лиц разной национальности я помолчу, так как своего мнения не имею. Это странно, но не более того.

– А если нам попросить помощи у контрразведки?

– С каких пор ты возлюбил данную организацию? – Крячко смотрел недоуменно.

– Их не обязательно любить, достаточно верить. Можно обратиться к Паше Кулагину, он год назад получил отдел, которым некогда руководил Ильин. Год – срок солидный. Павел наверняка подобрал надежных парней. Группа разноплеменная, одна из машин – из гаража Госдумы, сильно пахнет коррумпией.

– Обратиться напрямую к Кулагину ты вправе, но он без санкции сверху решение принять не может. Значит, придется подключить Петра Николаевича, а то и кого-нибудь из замов, и река выйдет из берегов.

– А может, это и к лучшему?

Обычно Крячко понимал друга с полуслова, но случилось, не понимал и после долгих размышлений. Существует избитая истина: чем дольше преступник не знает, что начался его розыск, тем больше шансов на успех. Также известно, чем выше уровень задействованных в деле генералов, тем скорее происходит утечка информации. И дело не в том, что генералы хуже полковников оберегают секреты, а в том, что генералов обслуживает большее количество людей. Если делом занимается главк, это одно количество чиновников, машинисток и помощников, которые оказываются в курсе дела, если же в работу включается заместитель министра, то о работе знает его аппарат, и от этого никуда не денешься. Замминистра не печатает на машинке, не регистрирует входящие и исходящие документы. Когда проводится широкомасштабная операция, десятки людей передают друг другу совершенно секретные документы, все молчат, но все о происходящем знают. Министерство затихает и бережно хранит секрет Полишинеля.

Крячко прекрасно знал: если Гуров ведет секретную разработку, то даже на имя Орлова не пишет секретных бумаг, таким образом, отсекая даже Верочку с ее книгой входящих и исходящих. До окончания операции все новости и планы сообщаются устно, лишь позже оформляются соответствующим образом. Начать переписку с контрразведкой, значит, выпустить информацию из рук.

– К лучшему? – повторил Крячко, глядя недоуменно. – Я тебя не понимаю.

– Мы исходим из того, что в криминальной среде создано новообразование по взиманию долгов и устранению, проще говоря, убийству лиц неудобных. Как ты представляешь, Станислав, какой уровень чиновников привлечен к работе такого «бюро»?

– Мы с тобой обсуждали вопрос. Координатор и три зама, не контактирующих между собой, каждый имеет криминальный окрас и ведет свое направление.

– Верно, но таково положение лишь на заключительной стадии, когда боевики берутся за автоматы. Но ведь прежде наверняка используются легальные способы давления. Беру названия с потолка. Допустим, некая Главнефть не может получить долги с крупного банка или наоборот. Кредитор обращается не в арбитраж, где ждут его многомесячные мучения и обесценивание долга, обращается в новоявленное «бюро». Что же, по-твоему, оговорив стоимость услуг, «бюро» высылает мордоворотов? Начинает стрелять, взрывать машины и двери? Ничего подобного. По своим каналам, через своих людей обращается к соответствующему министру либо в аппарат Президента, руководителю депутатской фракции или главе данной администрации.

– Но мы здесь при чем? – Крячко уже догадывался, но натурально изобразил недоумение.

– Должнику перекрывают кислород, один не получает сырье, другому отказывают в кредите, в большинстве случаев этого оказывается достаточно, должники расплачиваются. Но случается, что человек упрям либо самонадеян, предпочитает закрыть лавочку и, не заплатив долги, скрыться. Тогда начинается прессинг, прямое физическое воздействие вплоть до уничтожения.

– И если мы преступников берем, то волна жалоб катится обратно, вверх.

– Верно. Министр не знает, что его используют криминальные структуры. Причем он не знает лишь потому, что знать об этом не хочет. Опытный руководитель всегда понимает, какая

бумага миновала чиновничьи рифы и не лежала в километровой очереди. Министр все отлично понимает, но действует в рамках закона и спит спокойно. За то, что министр не вникает в бюрократические сложности и создает для кого-то условия наибольшего благоприятствования, его собственная дача тоже строится особым способом.

– Я тоже не хочу все это знать! – вспыхнул Крячко. – Ответь мне по-простому, почему ты хочешь, чтобы о нашей работе знали люди, которым знать не положено?

– Потому, Станислав, что если мы не заручимся поддержкой прессы, то, кроме боевиков-исполнителей, нам никого тронуть не позволят.

– Ты что же, собираешься общаться с корреспондентами?

– Зачем? – удивился Гуров. – Мы лишь упустим информацию, газеты и телевидение сами раскопают, начнется кампания по разоблачению политиками друг друга. И так просто расследование уже не прикроешь.

– И на хрена козе баян?

– А без баяна нечего и ввязываться.

– И не ввязывайся, мы уголовный розыск.

– Петр приказал, я согласился работать, считай, поезд уже двинулся.

– Если ты все предвидел, то напрасно согласился, – резко сказал Крячко.

– Почему ты осуждаешь меня, а не генерала? Когда Петр решал начать розыск новообразования, то прекрасно отдавал отчет, какую волну поднимет.

– Значит, мы ввязываемся в большую политику? Дерьмовое дело, Лев Иванович.

– Отвечу тебе избитой фразой, Станислав. Родину не выбирают, мы с тобой родились в России. И коррупция у нас такая, какая есть. Мы либо деремся, либо увольняемся.

– Уже проходили. – Крячко тяжело вздохнул и матерно выругался.

Наружное наблюдение переключилось с Аляшина на его преследователей. По забитым машинами улицам следовали друг за другом «Мерседес» с Аляшиным, «Волга» с двумя кавказцами и двумя русскими парнями, «Волга» наружного наблюдения, «Жигули» ГАИ, в которых вместе с инспектором находился и полковник Крячко, и, то обгоняя всех, то пристраиваясь в хвосте, ехал Гуров в своем «Пежо».

Когда Аляшин выехал с Садового кольца на проспект Мира, Гуров поднес к губам рацию и сказал:

– Станислав, начинай.

– Понял, – ответил Крячко. «Жигуленок» ГАИ поравнялся с «Волгой» преследователей, замигал правым поворотом, инспектор опустил боковое стекло, махнул жезлом, приказывая остановиться.

Водитель «Волги» взглянул на инспектора ГАИ недоуменно, затем повернулся к сидевшему рядом Назиму Рзаеву, сказал:

– Придется тормозить, не отстанут.

Тот не ответил, лишь проводил взглядом удалявшийся «Мерседес» Аляшина и не обратил внимания на «Пежо» с Гуровым, который следовал за «мерсом».

– В чем дело? – грубо спросил Рзаев у инспектора, который, не обращая на пассажира внимания, обратился к водителю, представился, сухо сказал:

– Права, техпаспорт.

– Я ничего не нарушал, командир. – Водитель протянул документы. – Обслуживаю депутатский корпус.

– Здравствуйте, – сказал Крячко, подходя к машине с другой стороны, спросил у Рзаева: – Извините, вы депутат Думы?

– Я человек!

– Извините, в машине присутствует депутат Думы? – спросил Крячко. – Нет? Прошу всех предъявить документы.

– Ты кто такой? – вспылил Рзаев.

Сидевший на заднем сиденье русский парень ткнул узбека в бок, протянул Крячко свой паспорт, спросил:

– Что-нибудь случилось?

– Случилось. – Крячко положил паспорт в карман. – Проедем в отделение, я объясню. А вы пока втолкните своему темпераментному товарищу, что в Москве не принято так разговаривать с сотрудником милиции.

– Вы в штатском.

– В отделении я предъявлю свои документы, поверьте, вам мало не покажется, – ответил Крячко.

Инспектор забрал у водителя права и техпаспорт, сказал:

– Перейдите в нашу машину, «Волгу» поведу я сам.

– Знал, что этим кончится. – Водитель направился к машине ГАИ.

После того как «Волгу» преследователей остановили, Гуров догнал «мерс» Аляшина, посигналил, показал в окно жезл ГАИ. Аляшин припарковался, Гуров сел рядом, предъявил удостоверение, сказал:

– Борис Федорович, вы ведете себя, мягко выражаясь, неосторожно, нам необходимо поговорить. Подъезжайте на Житную к министерству, я буду вас ждать у центрального входа.

– А в чем, собственно, дело? – спросил было Аляшин, потупился. – Хорошо, хорошо, еду.

В кабинете Гуров снял плащ, указал Аляшину на стул.

– Раздевайтесь, Борис Федорович, присаживайтесь, разговор предстоит неприятный.

– Снова о брате? – Аляшин тоже стянул с себя куртку, сел. – Убили Анатолия, убили. И я не знаю, кто и за что убил. Я это говорил в прокуратуре десятки раз. Что вы от меня хотите?

Гуров смотрел на Аляшина, морщился, молчал.

– Думаете, я молчать не умею и у меня нервы не в порядке? Хватит, меня мучили в прокуратуре! На ваши вопросы я отвечать отказываюсь!

– Тяжелый случай, – сказал негромко, как бы себе, Гуров. – Полагаю, в вашем поколении клинические дураки перевелись. Скажите еще, что будете жаловаться прокурору.

– Говорить не буду, пожалуйюсь обязательно. Зря я поехал добровольно, надо было вас послать куда подальше.

– Действительно, жаль. – Гуров кивнул, оглядел полную рыхлую фигуру парня, которому, наверное, не было и тридцати. – Окажи вы сопротивление, я с таким удовольствием набил бы вам морду. Хватит дурака валять, может, у вас времени невпроворот, у меня ограничено.

Гуров редко разговаривал прямолинейно, тем более грубо, но что-то в сидевшем рядом парне крайне раздражало, и сыщик распустился, ему стало стыдно. Он прекрасно видел, что бравада, с которой держался Аляшин, лишь дешевый блеф, на самом деле парень растерян и сильно трусит.

– Хорошо. – Гуров достал сигареты, предложил Аляшину закурить, но тот отказался. – Я извиняюсь, что позволил себе говорить в подобном тоне. Начнем сначала, от печки. Вашего старшего брата Анатолия Федоровича Аляшина расстреляли из автомата. Человека не расстреливают случайно, по ошибке, пьянке или сгоряча. Банк, которым руководил ваш брат, разорился, оказался несостоятельным должником. Верно?

– Я член правления, но это чистая фикция. Я никогда ничего не решал, лишь выполнял отдельные поручения брата. – Аляшин передумал и взял из лежавшей на столе пачки сигарету, закурил.

– Вам неизвестно, чтобы с брата требовали срочно вернуть деньги, угрожали?

– Как это неизвестно? – возмутился Аляшин. – Постоянно требовали и угрожали!

– После смерти брата его наследником являетесь вы? Насколько велика задолженность банка и собираетесь ли вы ее выплачивать?

– Это зависит от того, поддержит ли нас Центробанк и расплатятся ли с нами должники.

Гуров понял, что вновь ведет разговор неверно. Сыщик ничего не понимал в банковском деле.

– Я в вашем деле не разбираюсь. – Гуров тоже закурил, выдержал паузу. – Я знаю, что вам выставлены определенные условия. Вы способны их удовлетворить и вообще собираетесь это делать?

– Я уже сказал, что погашение долгов зависит не от меня.

– Однако ваши кредиторы считают иначе, и вы прекрасно об этом знаете.

– Ерунда, ничего я не знаю.

– Судя по материалам, которыми располагаю я, вас убьют в ближайшее время, – безразлично ответил Гуров. – Счет идет на дни.

– Откуда? – Аляшин поперхнулся, вытер лицо платком. – Вы ошибаетесь. Кредиторам моя смерть невыгодна.

– Я тоже так считаю, но у них другая точка зрения. – Гуров выложил на стол фотографии, сделанные наружным наблюдением. – Вам знакомы эти люди?

Шанс на то, что Аляшин узнает кого-либо из преследователей, был минимальным, но иного способа разговорить парня Гуров не видел. Аляшин рассматривал фотографии внимательно, перекладывая их, смотрел одну и ту же фотографию повторно. Явно, что он кого-то узнал и тянул время, обдумывая ответ.

– Я не понимаю, какой смысл убивать должника, ведь с покойника точно ничего не получишь, – задумчиво произнес Гуров. – Когда убили вашего брата, то припугнули вас, рассчитывали, что вы с выплатой долгов поторопитесь. На что вы рассчитываете, какую цель преследуют ваши кредиторы, мне непонятно. Либо вы с нами откровенны и мы сотрудничаем, либо я от дела устраниюсь, вы решаете свои проблемы единолично. Скажу, ваши шансы остаться в живых я расцениваю как один к ста. Не будьте наивны, выехать из страны вам никто не позволит. Я имею в виду не милицию и пограничный контроль.

Глава 3

Боря Гай родился в пятьдесят пятом году в центре старой Москвы, точнее, на Гоголевском бульваре, который начинался на Арбатской площади и заканчивался у метро «Кропоткинская». Борис был единственным ребенком в обеспеченной семье, занимавшей трехкомнатную квартиру, в те годы она считалась роскошной, в старом, но удивительно прочном доме.

Дом построил крупный промышленник, сдавал квартиры богатым людям, которые и проживали в доме, пока не пришли большевики. Хозяин дома, жильцы, как и старинная мебель, ковер с парадной лестницы, швейцар и прочие атрибуты благополучной жизни исчезли в неизвестном направлении. Впрочем, направление еще можно было угадать. Кто-то успел уехать на Запад, примерно половина обитателей погибла в гражданскую войну и в годы борьбы с врагами революции, остальные расселились за Уралом: известно, Россия – страна огромная.

В доме устроили нормальное общежитие. Отец Бориса родился в маленькой комнатке, в которой некогда жила прислуга. Петр Иванович, так звали отца, был сыном врага народа, но «враг» был человеком высокообразованным, инженером, работал в машиностроении, потому его не уничтожили, а использовали по прямому назначению, то есть дед Бориса работал инженером, но за колючей проволокой. Известно, что и большевики, и фашисты не любили коммунистов и евреев и всячески их изничтожали. Однако при обоих режимах существовало понятие «полезный». Так вот, дед Бориса был полезный враг народа, дожил до реабилитации и вскоре после рождения внука скончался.

В период «оттепели», когда и родился Борис, его отец неожиданно оказался на волне, которая забросила его сначала на комсомольскую, затем на партийную работу. Отец Бориса был для партии человеком незаменимым. Пунктуальный, аккуратный, лишенный всякого самолюбия и тщеславия, он знал свое место: смотрел с обожанием вверх и с пренебрежением вниз. Не отличаясь большим умом, был все же весьма неглуп. Петр Гай служил не за страх, а за совесть, биографией репрессированного отца никогда не козырял и считал его реабилитацию заслугой партии.

Мать Бориса, в молодости деревенская красавица, попала в Москву с Казанского вокзала, имея аттестат зрелости, устроилась на стройку, благодаря броской внешности не лазила на строительные леса, а выписывала наряды и кокетничала с бригадирами. Настасья Ивановна мечтала выйти замуж за москвича. Родня Настя была из тамбовской глухомани, девушка была типичной деревенской красавицей – черноброва, голубоглаза, с ярким румянцем и русой косой. Неизвестно, то ли бабка наблудила, а может, и прабабка, только Настя при красе и внешней простоте отличалась умом, деликатностью, а с годами внешность женщины утончилась, появилось внутреннее благородство.

И если женились деревенская девица и коренной москвич с Арбата, то, когда сын подрос, роли в семье поменялись. Отец – типичный партаппаратчик, а мать – преподавательница английского языка, красивая женщина, читавшая Шекспира в подлиннике и смотревшая на мужа если не свысока, то с определенной долей сострадания.

Борис рос ни папин, ни мамин, сам по себе, как росло множество городских мальчишек. Среднего роста, фигурой крепок, лицом русский – проявились дед с бабкой по материнской линии. Увлекался спортом, музыкой, девушками, учился, чтобы не приставали. Борис ни в чем не добился заметных успехов, имел третий разряд по легкой атлетике и боксу, играл на гитаре под модного в те годы Окуджаву, позже Высоцкого, спиртного не любил, но выпить мог, близких друзей у него не было, а приятелей и подруг так навалом.

Когда Борис закончил школу, отец уже работал в ЦК на Старой площади. И хотя Петр Иванович Гай был лишь рядовым инструктором, кто помнит те годы, знает, самый рядовой в ЦК был Большим Человеком. В доме на Гоголевском проводили реконструкцию, общие квар-

тиры расселяли, Петр Иванович не захотел ехать в новостройку и получил реконструированную трехкомнатную квартиру в своем доме.

Комната Бориса располагалась слева от входа, а родительские апартаменты – в глубине квартиры, так что подросток получил определенную самостоятельность. Он без блага и особых усилий поступил на юрфак университета, зажил обычной студенческой жизнью: семестр гуляем, в сессию вкальваем. Рос он достаточно аполитичным, но общение с отцом и его сослуживцами развивало в парне глухую неприязнь к партии. Парень он был неглупый и современный, достаточно циничный и чувств своих никак не проявлял, состоял в комсомоле, голосовал как надо, кого следовало поддерживал, инициативой, как и отец, не блистал. Лишь к двадцати годам в Борисе начала проявляться индивидуальность, выяснилось, что он незаурядный психолог, любит власть и деньги. Известно, что последними пристрастиями обладают большинство мужчин. Природа наградила его незаурядной наблюдательностью, пониманием окружающих его людей – качеством, редким для молодого человека. Борис остро ощущал, что все люди разные, у каждого слабака есть сильные стороны, а признанный лидер обязательно обладает слабостями.

Он часами слушал разговоры отца с сослуживцами, партийные «руководители» относились к парню иронически-покровительственно, порой шутили: мол, ты, Борис, слушай, учись уму-разуму, особо не лезь, у нас умных не любят. Вот закончишь свой ликбез, возьмем тебя к себе, будешь умным, станешь сильным, получишь власть. А власть не у лидера, он лишь игрушка в руках «серых кардиналов». Настоящая власть у среднего звена, людей средних, не гордых, но с большими связями. Борис согласно кивал, но неизменно про себя добавлял: и богатых. Ваши машины, дачи и спецпайки в один прекрасный день заберут, а хорошо пристроенные деньги останутся.

Заметьте, Борис Гай рассуждал так в начале восьмидесятых, когда ни о Горбачеве, ни тем более о перестройке никто и не слышал, даже представить себе ничего подобного не мог. Он обладал интуитивным чувством предвидения и много позже, оглядываясь назад, многие, причем решающие, поступки в своей жизни объяснить не мог.

Так, после окончания университета друг отца пригласил его на работу в ЦК. Многие о райкоме партии, не говоря уж о горкоме, лишь мечтали, а Борис Гай от столь лестного предложения отказался, заявил, что не дорос, и остался в аспирантуре. Он уже тогда отлично понимал, что сам по себе кандидат юридических наук лишь пустой звук. Гай желал стать помощником Большого Человека. А вот для должности помощника связи отца и научное звание – сочетание выигрышное. Молодого кандидата взяли на работу в ХОЗУ Совета Министров РСФСР, это была не большая, но очень хлебная должность. Борис Гай не подписывал бумаг, по которым распределялись материальные блага, он стоял у окошечка, через которое данные блага непосредственно выдавались. И тут неоценимым качеством оказалось его понимание людей, чутье, кто конкретно из получателей стоит на ступеньку ниже, но находится на эскалаторе, идущем вверх, а кто хотя и выше, но его лесенка ползет вниз. Он стал обрастать нужными связями, получать подарки, обогащаться. Начальство быстро заметило безошибочное чутье молодого чиновника, Бориса стали приглашать в кабинеты, где решался вопрос, какое прошение подписать, а какое отложить. Вскоре Гаю предложили небольшую госдачу, хотя по должности ничего подобного ему не полагалось. К всеобщему удивлению, Борис от предложения отказался, мотивируя отказ тем, что этой привилегии не заслужил, да и вызывать зависть у коллег не желает. Взамен он получил участок в престижной зоне и разрешение на строительство дачи за свой счет. Через два года, как раз к тридцатилетию Бориса, дача была построена. Строительное управление имело некоторое преимущество в получении дефицитных материалов, потому для молодого «хозяина» расстаралось, за счет экономии на участке построили и гараж, и баню.

Сегодня такой собственностью никого не удивишь, скорее вызовешь лишь насмешку, но десять лет назад времена и размах были иными.

Мать относилась к деятельности сына насмешливо, даже презрительно, подшучивая, что Борис пошел в деда по ее, материнской, линии, стал накопителем. Она работала в МИДе переводчиком, сопровождала делегации, отдаляясь все дальше не только от своих деревенских корней, но и от России и постепенно становясь иностранкой. Отцу Бориса катил шестой десяток, человек с ужасом думал о пенсии и смотрел на сына с надеждой и благоговением.

Перестройка еще не началась, но деловые люди, которых еще вчера считали уголовниками, начали поднимать головы, даже всплывать на поверхность. Характер Бориса Гая к этому времени уже полностью сформировался. Образованный, что более важно, умный и спокойный, он выделялся среди сверстников солидной неторопливостью и рассудительностью. Он не стремился немедленно оторвать кусок пожирнее, за что пользовался уважением не только людей деловых, но и матерых партаппаратчиков, которые чувствовали приближение времени нового, неожиданного, нервничали, не могли найти себе места.

Умер последний из могикан – Андропов, вскоре на трон поднялся Горбачев, началась перестройка, которая кончилась тем, чем кончилась. На трон России в окружении опричников поднялся царь Борис.

Нас же интересует судьба одного человека, а именно Бориса Петровича Гая, которому в наступившем году стукнуло сорок. Пять лет он лавировал между навалившимися новыми русскими, меняющимися министрами и удерживавшимися на плаву партаппаратчиками. Несмотря на свое чутье, Борис не знал, к какому берегу пристать, жизнь и ситуации менялись слишком быстро. Партия рассыпалась, даже незыблемый КГБ раскололся, создались группировки, враждовавшие между собой. Опыт подсказывал Борису: главное, ни от кого не зависеть безраздельно. Нельзя, особенно сегодня, складывать все яйца в одну корзину. Он не завидовал приятелям, а точнее, знакомым, ставшим в короткий срок миллионерами. Россия всегда была державой с сильной централизованной властью и всемогущим полицейским аппаратом. Куда бы нас ни бросало, рассуждал он, как бы ни заносило, но в конце концов мы встанем на якорь. И тогда миллионы конфискуют, хозяев посадят либо разметают по всему свету. Борис имел возможность присосаться к нефтепроводу, но не повезло, подельники поторопились, многим пришлось уехать, их место заняли люди незнакомые. Но он успел сделать несколько крупных глотков, открыл счет в далеком банке и решил временно о нем забыть. Были люди, которые его хорошо знали, с мнением Бориса Гая считались и периодически обращались за советом. Тут выяснилось, что он способен помочь не только советом, но и участвовать в переговорах сторон и, в отличие от арбитража, быстро находить решение, устраивающее спорящие, а то и враждующие стороны. Гай нашел себе крышу в виде международного концерна, где числился рядовым адвокатом. Подавляющее большинство сотрудников не обращали на Бориса Гая внимания, не принимали чиновника всерьез, что его вполне устраивало. Комиссионные он получал из рук в руки, налогов не платил, жил спокойно. Об истинной роли Гая знали лишь председатель и еще один член правления. Однажды случилось непредвиденное: надежный партнер концерна задолжал несколько миллионов долларов и оказался на грани банкротства. Гая пригласили в главный кабинет и разъяснили ситуацию, задав совершенно новый вопрос: «Что делать?» Борис ответить не мог, попросил два дня на раздумья и поехал к должнику в загородную резиденцию.

Переговоры продолжались больше суток с небольшими перерывами на сон и еду. И соломоново решение было найдено. В любой цивилизованной стране такая махинация была бы разоблачена мгновенно, в России она прошла спокойно. Правда, закончилась для одной из сторон трагически, но виной тому был случай, который и поднял авторитет Бориса Гая на огромную высоту. Задумано мошенничество было безумно просто. Чем проще и масштабнее в России мошенничество, тем оно успешнее. Вспомните рекламу МММ, убедитесь сами.

Концерн, которому грозило банкротство, перечислил всю наличность на счета хозяев Бориса Гая, естественно, не забывая его самого. После чего должник обращается в Центробанк с просьбой о крупном займе. Получив отказ, объявляет о своей несостоятельности. Миллионы мелких вкладчиков остаются без штанов, а когда банкротство юридически оформляется, добычу делят.

Все развивалось по сценарию, когда в одно ненастное утро председателя-банкира взорвали в его собственной машине. И что следует отметить особо, взрывом и последующим пожаром была уничтожена вся документация о сделке между двумя концернами. И кто из людей, посвященных в операцию, поверит, что Борис Гай в происшедшем не виноват и вообще не имеет к взрыву никакого отношения? Никто не поверит и правильно сделает. Самое смешное, если над смертью одного человека и горем других можно смеяться, что Борис Петрович Гай киллеров не нанимал и о происшедшем узнал из газет.

Руки Бориса Гая были чисты, с совестью он всегда жил в мире, а уж в данном случае тем более. На работу он не вышел, решил выждать, сказался больным. Через день позвонил хозяин, да не соединился через секретаря, набрал номер лично.

– Как здоровье, дорогой Борис Петрович? – осведомился он вежливо, но Гай почувствовал в голосе шефа напряжение.

«Шеф уверен, что партнера замочили по моему указанию», – понял Гай и, выдержав паузу, ответил:

– Врачи говорят, что гипертонический криз, а я так просто хреново себя чувствую, слабость. Скоро оклемаюсь.

– Ты слышал, какое несчастье произошло?

– В «МК» прочитал. Ужас. Сегодня финансист, словно минер, может ошибиться только раз. Шеф, вы бы подъехали ко мне вечером, есть о чем поговорить. Мать за бугром, отец на даче, я один.

Председатель молчал, он ждал чего-то подобного, однако прямое предложение приехать было слишком нахальным.

– Не поймите меня превратно, – вкрадчиво произнес Гай, – поговорить нам необходимо. Если мы засядем в вашем кабинете, начнутся ненужные разговоры. Мы можем вместе пойти куда-нибудь пообедать, но если нас увидят, а Москва ведь большая деревня, примут за заговорщиков. Когда начальник посещает заболевшего сотрудника...

– Да-да, конечно, – перебил шеф. – Часиков в семь. Вы ведь живете на Бульварном кольце?

Гай продиктовал адрес. Готовясь принимать высокого гостя, Борис вытер пыль в гостиной, достал сервиз, привезенный матерью из-за рубежа, приготовил отменный ужин и почувствовал прилив сил. Почему-то вспомнился Жорж Дюруа Мопассана. Казалось бы, между ним, Борисом Гаем, и красавцем авантюристом не было ничего общего. Он попытался вспомнить имя патрона литературного героя, не вспомнил и переключился на предстоящий разговор. Тщеславие и жажда власти, присущие Гаю последние годы, таившиеся в глубине души, рвались наружу, но он твердо знал, что необходимо их обуздать.

Шеф, человек пунктуальный, приехал ровно в семь, сдержанно поздоровался, осмотрел квартиру, сказал:

– Было время, строили на века, правильно сделали, что не переехали в новостройку. Отец еще служит или уже на отдыхе?

– Консультант в одной фирме по торговле недвижимостью. – Борис проводил гостя в ванную вымыть руки, пригласил к столу.

Они оба не пили, но хозяин налил две рюмки водки, поднял свою, вздохнул:

– Помянем раба божьего, он был неплохим человеком и хорошим партнером. – Гай выпил, чувствуя на себе цепкий взгляд шефа, сделал себе бутерброд с икрой, спросил: – Как будем жить дальше?

Наступил решающий момент, многое зависело от первых слов шефа. Если он молча признает, что, сохранив капиталы корпорации, Гай предстает уже в новом качестве – одно. Если хозяин прикинется недоумком, то разговор предстоит тяжелый. Гай выигрышную позицию отдавать не собирался. Хотя, как конкретно реализовать случайно полученное преимущество, он толком не знал.

– Какие будут предложения? Я готов тебя выслушать.

И, хотя ответ был самый естественный, Гай взбеленился, звякнул ножом по тарелке, взглянул на хозяина вызывающе.

– Я сумел сократить предстоящие убытки почти на три четверти, – произнес он тихо, но четко выговаривая слова, что придавало им особую значимость. – Несчастный случай. – Гай не был ни актером, ни режиссером, пауза получилась случайной, но оказалась зловещей. – Несчастный случай, – повторил Гай, невольно усиливая произведенный эффект, – сильно изменил ситуацию, и вы лично стали богаче на миллион долларов.

– Восемьсот пятьдесят тысяч, – поправил шеф и отер вспотевший лоб. – Богатеть за счет человеческой жизни безнравственно, но я не могу эти деньги даже отдать на погашение долгов погибшего. Это вызовет ненужные разговоры. Нервы у кого-то из кредиторов не выдержали – и вот... – Он развел руками.

Тут Гай сделал импровизированный, но очень сильный ход. Он встал, широко перекрестился, сказал:

– Все под богом ходим, – и вновь перекрестился.

Шеф побледнел и воскликнул:

– Но я действительно не могу вернуть деньги, ведь о нашей договоренности никто не знал! Началось следствие, я в стороне, так как погибший свои долги нашей фирме перед смертью погасил. Зачем же мне высовываться, объясняться, более того, признаваться в нелегальной сделке?

Гай понял, что полностью завладел инициативой, и на глупые вопросы отвечать не собирался. Он налил по второй, чокнулся с рюмкой гостя, сказал:

– Выпьем за живых, пожелаем им удачи. – Гай не собирался угрожать, все получилось само собой. Он говорил то, что подсказывал ему внутренний голос.

– Твое здоровье! – Шеф пытался ответить вызывающе, но голос подвел, дрогнул, получилось довольно комично.

– Выпьем и за мое, здоровье никому не вредит. – Гай решил прояснить ситуацию, продолжал: – У меня были расходы, а на согласование с вами времени не было.

– Сколько?

– Двести тысяч. Нужны наличные, у моих кредиторов нет счета в банке. Да и, сами понимаете, сегодня засвечивать такие выплаты опасно, могут понять неправильно.

– Хорошо, я распоряжусь.

– Не годится, вы выпишите деньги на свое имя и передадите мне из рук в руки, – Гай уже открыто диктовал условия. И хотя впрямую об убийстве не было сказано ни слова, получалось, что Гай признавал: в ликвидации партнера он принимал непосредственное участие.

О делах говорить перестали, начали обсуждать политические новости и, конечно, предстоящие выборы в Думу. Шеф сказал, что ему предложили выдвинуть свою кандидатуру, но, кто конкретно предложил, не назвал. Гай ответил, что дело это муторное, требующее больших затрат, как материальных, так и физических.

Он убрал тарелки из-под горячего, принес кофе и коньяк и не моргнув глазом соврал: мол, тоже получил предложение примкнуть к блоку коммунистов, видимо, вспомнили о заслугах отца, но он, Гай, ответа пока не дал, видимо, откажется.

Шеф пригубил кофе, обжегся, чуть было не сказал, что нынче многие уголовники подаются в Думу, сдержался. Он отчетливо понял: время его всевластия в корпорации минуло, Гай – человек серьезный, с ним необходимо считаться. Хозяин словно услышал мысли гостя и спокойно сказал:

– Мое мнение, шеф: нам надо интеллигентно расстаться. Два медведя в одной берлоге не зимуют. Двести наличными вы отдадите сразу, а мою долю в компании выплатите частями. Я организую свое дело, под видом дочернего предприятия, с вашим непосредственным участием, позже вы из него выйдете, таким образом, мы будем в расчете.

– Какое дело или это секрет?

– Никаких секретов, хочу прикупить казино. Владелец не поладил с властями, уступит недорого.

– Казино – это чистый криминал.

– Мнение обывателя. На Западе владельцы казино – уважаемые люди. Сделаем все не торопясь, когда волна ажиотажа вокруг убийства спадет, следствие войдет в обычное чиновничье русло.

– И как вы, Борис Петрович, оцениваете свою долю? – Шеф и не заметил, как перешел на «вы».

Гай лишь улыбнулся и ответил:

– А вы поручите бухгалтерии провести расчеты, все должно быть законно, с учетом инфляции, прибыли на день расчетов. Я уже говорил, вы эту сумму вложите в мое дело на правах соучредителя. Кстати, шеф, настоятельно рекомендую позаботиться о личной охране, времена уж больно беспокойные.

Жизнь Бориса Петровича Гая разительно изменилась. Еще не было сказано ни слова о его уходе из компании, но сослуживцы, которые еще вчера общались с ним на равных, отстранились, величали по имени-отчеству. Он происшедшие перемены принял как должное, с коллегами стал сух и официален на людях, но, оставаясь с приятелями наедине, по-прежнему рассказывал анекдоты и сплетничал о красивых женщинах, коих в офисе хватало.

Он возобновил переговоры с хозяином казино. Здесь его ждали неожиданные перемены: хозяин вдруг согласился на значительные уступки, о которых совсем недавно и слышать не желал. Гай насторожился, предполагая, что местная мафия обложила казино непомерным налогом и новый хозяин приобретет казино вместе с долгами. Ни принимать на себя чужие долги, ни воевать с местным авторитетом Гай не собирался, потому сразу объявил:

– Дорогой, – хозяин казино был человеком кавказской национальности, потому подобное обращение Гая было вполне уместным, – прежде чем мы отправимся в банк и к нотариусу, я хочу познакомиться с районными властями. И не только с представителем префектуры и налоговой инспекции, но и с авторитетом, курирующим твое заведение.

Хозяин казино явно смутился, что-то сказал напарнику на незнакомом Гаю языке, потом вздохнул, почесал в затылке:

– Плохие люди, я с ними говорить не буду.

– Тогда сделка не состоится, дорогой, я не фраер и брать на себя твои долги не собираюсь.

– Я ничего не должен!

– Я тебе верю, надо, чтобы не было претензий ко мне.

– Договаривайся сам, Борис Петрович. Я могу дать тебе телефон. Верх тут держит авторитет Лялек, он не разговаривает, только стреляет. Тебе придется говорить с его правой рукой,

твой тезка, отчество Михалыч, фамилия Харитонов. Он человек нормальный, но больно хитрый.

Гай задумался, неожиданно у него появилась мысль довольно сумасшедшая, но он ничем не рисковал, а в случае удачи мог выиграть многое. Он набрал номер и, к своей радости, услышал интеллигентный голос:

– Вас слушают.

– Здравствуйте, Борис Михайлович, вас беспокоит человек, собирающийся приобрести казино «Фламинго».

– Здравствуйте, как ваше имя-отчество?

– Гай Борис Петрович, я сейчас служу в компании, – Гай назвал свою фирму и перешел к главному: – Мы партнерствовали с «Фениксом», который, к сожалению, разорился, и их председатель недавно погиб, его машину взорвали.

– Я слышал, – ответил Харитонов. – Значит, Борис Петрович, вы тот самый человек, который вел переговоры?

– Да, но я лишь вел переговоры, представлял своего хозяина.

– Переговоры, переговоры, с вами, я слышал, «Феникс» рассчитался, а потом взрыв. Такое несчастье!

– В страшное время живем, – поддержал Харитонova Гай.

– А теперь вы решили приобрести казино, – сказал Харитонов и замолчал. Гай решил не торопиться и тоже молчал, он понял, что местный авторитет историю «Феникса» и взрыва знает отлично.

– Мой хозяин не был дружен с нынешним владельцем казино, но мы, естественно, заинтересованы в деловых партнерах, – осторожно сказал Харитонов.

– Давайте встретимся, если мы договоримся, я куплю казино. Предупреждаю: платить я не буду, но ваши интересы соблюду. Вы войдете в долю, причем в долю, не облагаемую налогом, и поможете мне в решении кое-каких мелких проблем. Переговорите с шефом, я тоже еще подумаю, затем мы встретимся и обсудим.

– Хорошо, перезвоните мне послезавтра утром, – не очень охотно согласился Харитонов, так как отлично знал, что Лялек не любит коммерцию и долевое участие для него – понятие сложное, он предпочитал наличный доллар сегодня, чем акцию на пять долларов, но завтра.

Борис Михайлович Харитонов устал от прямолинейности хозяина, грубости его приближенных, которые отлично знали, что начальник штаба в авторитете у Лялька, но тем не менее чужой и вроде как временный.

Неожиданно для Харитонova разговор с Ляльком сложился легко. Выслушав лишь вступление и узнав, что человек, желающий приобрести казино, выказывает должное уважение, Лялек хмыкнул:

– А конкурента, говоришь, взорвал? – Он хохотнул. – Давай, нам такие нужны. Пусть покупает казино, притягивает в район кошельки.

– Тачку с человеком взорвали – это точно, – сказал осторожно Харитонов. – А что сделал тот самый – лишь предположение.

– Давай действуй, разберемся.

Харитонов не первый год работал с Ляльком и показной простотой авторитета не обманывался. Казалось бы, Лялек, то бишь Ямщиков Яков Семенович, был понятен и прост. Природный лидер, пользуется огромным авторитетом среди бандитов, неумен, хитер и коварен, потому совершенно непредсказуем. Он был вполне зауряден, любил власть и деньги, чем, казалось бы, походил на Бориса Петровича Гая. Однако лишь входящий в преступную среду Гай и прекрасно известный как налетчикам, так и уголовному розыску Ямщиков были людьми совершенно разными.

Гая не интересовало признание окружающих, ему было вполне достаточно осознавать свою власть, атрибутика его не волновала. В еде, питье и женщинах человек более чем нетребовательный, Гай использовал деньги лишь на подкуп чиновников, на укрепление своей власти.

Ямщикова-Лялька, наоборот, в основном интересовала внешняя сторона, унижение приближенных, а деньги он тратил на дорогие машины, которые бил немилосердно, и на девок, которыми увлекался мгновенно и так же быстро бросал.

Обо всем этом так или примерно так думал Харитонов, ужиная с Гаем в скромном чистеньком кафе. Прежде чем встретиться с новым деловым партнером, Харитонов навел о нем справки, был дотошен, как хороший оперативник. Он побывал и на работе Гая, и в его доме на Гоголевском и остался доволен. Харитонову нравилась сдержанность Гая, проявлявшаяся и в поведении, и даже в одежде. Тот носил строгие костюмы, рубашки в тонкую полоску, неброские галстуки в тон. Некоторые черты к характеристике Гая добавила секретарша, которую накануне Харитонов пригласил пообедать.

– Вы не пьете? – спросил Харитонов, заметив, что рюмка Гая стоит нетронутая.

– Воздерживаюсь, – улыбнулся Гай. – Хотя порой и приходится.

– Я тоже стараюсь ограничивать, но общение с шефом порой обязывает. Извините за любопытство, почему вы решили вложить деньги в игорный бизнес?

– Меня привлекает антураж, чистота, тишина, холеная публика, красивые женщины. – Казалось, Гай был абсолютно искренен, но Харитонов ему не верил.

– Я слышал, что вы собираетесь баллотироваться в депутаты Думы, – сказал он. – Народ не станет голосовать за хозяина притона. Для совка, а за пять лет человек переродиться не мог, казино – притон.

– Раз вы наводили обо мне справки, то вам должно быть известно, что, еще не став хозяином казино, я уже вложил деньги в строительство детского сада и обустройство двух школ.

– Даже так? – удивился Харитонов. – Поздравляю, у вас долгосрочные проекты, но мой хозяин... – он замаялся, – человек, живущий днем сегодняшним. Вам будет сложно с ним уживаться.

– Я и не собираюсь, Борис Михайлович. – Гай наполнил его рюмку, в свою лишь капнул. – Это ваша головная боль. Я буду платить вам, иметь дело только с вами. Ямщиков – временщик, его вскоре убьют или посадят. Его место займет другой человек, возможно, похожий, а вы останетесь.

Харитонов собирался выпить, но, услышав столь откровенные слова, он дрогнул, поставил рюмку на место.

– Вы располагаете информацией?

– Лишь предчувствие, время откровенных бандитов в Москве прошло. Я не имею в виду конкретных исполнителей, которые будут нужны всегда. Но на уровне района, округа нужны люди респектабельные, вхожие в официальные кабинеты, имеющие связи.

– Теоретически все верно, но практически довольно сложно, боюсь, вас самого убьют прежде, чем вы у нас обоснуетесь.

– Но ведь вас не убили, хотя вы сами не стреляете и даже не носите оружия.

Харитонов почувствовал себя неуютно, словно на приеме у врача, рассматривающего снимки его внутренних органов.

– Я шел к своему месту десятилетия, а вы желаете прыгнуть на ходу, как на проходящий мимо трамвай.

– А я ничего не желаю, – сухо ответил Гай. – Ни душевительных бесед, ни привилегий. Я лишь хочу приобрести казино и считаю разумным жить в мире с людьми, которые в данном округе имеют авторитет. Если я вам подхожу – договариваемся, если нет – я ухожу тихо, будто меня и не было.

«Смотри, какой жесткий мужик, а внешность и манеры рядового служащего», – подумал Харитонов.

– Мне вы подходите абсолютно, но я не решаю.

– Так передайте Ямщикову, что в районе хочет обосноваться человек, который в этом году станет депутатом Думы. Я буду избираться от вашего округа, вы лица заинтересованные. Казино будет вам выплачивать семь процентов от чистой прибыли. Чтобы деньги не облагались налогом, я стану их перечислять на счет благотворительного фонда. Ваша задача – обеспечить охрану избирательных участков и моих гостей. В казино я наведу порядок сам, а вот порядок на автостоянке должны обеспечивать ваши люди.

Встреча Гая с Харитоновым состоялась ранней весной, до выборов в Думу было еще далеко. Гай блефовал: никакая партия, в том числе и коммунисты, о нем и не слышала, соответственно включать в свои списки не собиралась. Но он был отличный психолог и знал: общественным мнением манипулируют мужчины, а создают его женщины. Он нашел банкиров и других состоятельных людей, которые дали деньги на строительство детского сада, ремонт и оборудование двух школ современной компьютерной техникой. Для округа это мелочь, слухи о новом русском, не жалеющем денег на детей, расплозились быстро. Прилюдно Гай никогда не говорил, что собирается баллотироваться в новый состав Думы, но с префектом и его окружением познакомился, а на вопросы, не собирается ли он выставлять свою кандидатуру, лишь отмахивался, шутил, что его хобби делать деньги, а не заниматься политикой.

Казино Гай купил. На улице, где оно располагалось, появился милицейский пост, на смену ветхим палаткам пришли новые, нарядные. Все это было сделано по распоряжению Лужкова и выполнялось районной префектурой, но Гай кому следовало заплатить, и жители микрорайона вновь слышали его имя.

Харитонов той весной жил своими заботами. Прошлой осенью кто-то из «доброжелателей» под видом конверта с валютой, адресованной Ляльку, подсунил Харитонову наркотик, авторитета тут же взяли с поличным, надлежащим образом оформили, и через час с небольшим он уже сидел в кабинете полковника Гурова. Сыщик, естественно, не подкладывал наркотик, но догадывался, что последний не принадлежит Харитонову. Но сыщик в то время решал вопрос агентурного подхода к группировке, возглавляемой Ямщиковым, и Харитонов, как лицо приближенное, подвернулся весьма кстати. Морально сломать Харитонova и склонить к сотрудничеству не составляло большого труда, что Гуров и сделал. Он редко заводил на агентов дело и оформлял вербовку надлежащим образом, сыщику нужна была информация, а не галочка в квартальном отчете, благо авторитет Гурова в главке позволял подобную роскошь.

В общем, той осенью сделка состоялась, Гуров получил необходимую информацию, выполнил свое задание и перекрыл канал утечки информации из главка. Правда, предатель, полковник Усов, вначале был арестован, но впоследствии освобожден за недоказанностью вины.

Харитонов тогда вздохнул свободно, так как Гуров, как всегда, слово свое сдержал, компромат с изъятыми у Харитонova наркотиками был уничтожен.

С тех пор прошло почти полгода, Харитонов продолжал контактировать с Ляльком и его группировкой, но так как сам Борис Михайлович оружия в руки не брал и ни в каких операциях участия не принимал, то чувствовал себя при этом абсолютно спокойно. Однажды вечером он вышел из казино и направился к своей машине, когда рядом остановился темносерый «Пежо», правая дверца открылась, и спокойный голос произнес:

– Борис Михайлович, присядьте, покатаемся минут несколько, есть разговор.

Харитонов заглянул в машину и узнал полковника Гурова. Гуров свернул в ближайший переулок, припарковался у какой-то стройки, смотрел весело, даже подмигнул. Харитонов набрался храбрости и сказал укоризненно:

– Как же так, Лев Иванович, вы мне обещали...

– Во-первых, здравствуй, Борис Михайлович, рад тебя видеть в здравии. Во-вторых, как живешь? На такой идиотский вопрос можешь не отвечать.

Гуров протянул было Харитонову пачку сигарет, вспомнил, что тот не курит, закурил сам, спросил:

– Так чего я тебе обещал и не выполнил?

– Вы сказали: мол, мы в расчете, больше никаких вопросов задавать не будете.

– Я спросил о здоровье, сказал, что можешь не отвечать. – Гуров, памятуя совет Крячко, улыбнулся.

– Теперь скажете, что наша встреча случайна и вы желаете мне спокойной ночи, – сыронизировал Харитонов.

– Без крайней необходимости я никогда не лгу. Скажи, Борис Михайлович, у тебя родственники где-нибудь на периферии имеются? Имел я справку на тебя, запомнил.

– Тетка в Барнауле, – растерянно ответил Харитонов. – Мы даже не переписываемся. К чему вам?

– А ты бы не мог к тетке в Барнаул или еще куда на недельку уехать?

– Зачем?

– Не хотелось бы отвечать, лишние знания укорачивают жизнь.

– Вы собираетесь брать Лялька? – Харитонов пожег язык, даже вспотел.

– Лично я не занимаюсь вашей группировкой. Но в ближайшие дни могут произойти некоторые события, тебе лучше в Москве отсутствовать.

– А если я внезапно улечу, потом произойдут ваши события, так мне лучше не возвращаться.

– Давай думать. – Гуров опустил стекло, выпустил дым. Сыщик всегда старался относиться к агентам как можно лучше, с пониманием. Изредка отношения становились хорошими, чуть ли не товарищескими, однако случалось, что он агента не любил. Так было и с Харитоновым, Гуров ему абсолютно не верил, но, зная его трусость, понимал, «теоретик» вынужден говорить правду, рисковать он не смел, пороку не хватало. Когда Гуров выполнил задание, ради которого и завербовал Харитонova, то расстался с ним с радостью и облегчением, хотя и не исключал вероятности того, что с этим типом придется восстановить отношения. Сейчас, правда, прямой необходимости не было, обстоятельства сложились иначе.

В области на «мокром» взяли двух бойцов из группировки Ямщикова-Лялька. Сам Лялек об аресте своих людей еще не знал. Парни оказались наркоманами, которые в большинстве случаев длительных допросов не выдерживают, а так как взяты они были в бою, с оружием в руках, то вскоре пошли в полную сознанку, назвали Лялька, проскочила в их показаниях и кличка Барин. Бандиты знали лишь кличку, самого человека никогда не видели, но слышали, что Барин – правая рука самого Лялька. Кличка принадлежала Харитонову, хотя непосредственно против него никаких показаний не было, осторожный Харитонов всегда оставался в стороне, в громких делах участия не принимал, однако сгореть мог легко. Сжечь его мог сам Лялек, которого коллеги Гурова собирались брать при очередном налете. Лялек редко брал оружие в руки, но имелись данные, что вскоре такое произойдет. Если Лялька возьмут, то подчистят и все окружение, среди них окажутся люди, и не ведающие, где служат, к примеру бухгалтера, экспедиторы, сторожа, секретари. Может в сеть попасть и Харитонов, и тогда на очной ставке с Ямщиковым возможно всякое. К примеру, Лялек может попытаться прикрыться Харитоновым как действительным главарем группировки, а сам отойти в тень, остаться рядовым исполнителем.

Гуров все просчитал, понял, что законсервированный агент на грани провала, и при всей своей антипатии к человеку решил отвести его в сторону. Если операция пройдет успешно, Лялька возьмут или убьют, группировку разгромят, то дело это большое, однако временное. Свято место пусто не бывает, округ не может долго оставаться вне сферы влияния крими-

нальных сил. Всю Москву контролируют, а один округ будет жить по иным законам? Так не бывает, если весь организм отравлен, то одна рука не может оставаться здоровой. На место Лялька придет другой авторитет, соберет оставшихся, приведет новых бандитов, все вернется на круги своя. Иметь в новообразовании агента такого уровня, как Харитонов, значит, держать всю новую группировку под контролем. Харитонova следовало спасти, получить на него дополнительный компромат, держать за горло, иначе с ним работать нельзя.

Гуров не любил прибегать к подобным методам, да мало ли чего человек не любит. Кресло зубного врача каждый нормальный терпеть не может, но припрет – сам прибежишь и быстренько усядешься.

– Ну и что ты надумал? – Гуров погасил сигарету.

– Так я не знаю, от чего спастись, – осторожно ответил Харитонов, на Гурова не смотрел. – Если мелкий дождик, и зонт согдится, ливень за окном – на улицу не выходи, землю трянуло – в подвал лезть надобно. А может, лишь по крыше пацаны топают, грохочут и пугают.

Гуров разозлился, виду не подал, спросил:

– Если Лялька с полным возьмут, он на очной ставке тебя сдаст или сам, один, «паровозом» пойдет?

В машине наступила тишина, казалось, и город за окнами на время притих.

– Коли его плотно возьмут, он мной не прикроется. Я для такого прикрытия маловат.

Гуров согласно кивнул, вновь закурил.

– А может, Лялька не возьмут? Сейчас он чистый, если предупредить, чтобы он в свежее дело не лез, перезимует. – Харитонов взглянул на Гурова, облизнул пересохшие губы.

– Мысль интересная. – Гуров улыбнулся, подобный фортель он предвидел. – Интересно, кто конкретно предупредит? И как этот безумный храбрец объяснит Ляльке, откуда получил информацию?

– Можно анонимно стукнуть...

– Забываешься, Борис Михайлович, совсем сдвинулся, со мной, как с подельником, разговариваешь.

– Извините, Лев Иванович, от страха, извините. Значит, из Москвы уматывать?

Гуров взял с заднего сиденья папку, положил сверху чистый лист, шариковую ручку:

– Пиши адрес, фамилию, имя, отчество тетки и текст телеграммы. Мол, тетка совсем плохая, не знаем, что делать с домом, срочно прилетай.

Харитонов послушно написал. Гуров убрал лист в папку, бросил на заднее сиденье.

– Получишь телеграмму, покажешь Ляльке, от себя добавишь, что у тетки имеется золотишко, билет на самолет я тебе возьму.

– Что бы я без вас делал, Лев Иванович! – льстиво произнес Харитонов.

– Мой телефон помнишь?

– Век на забуду. – Харитонов повторил номер.

– Сразу по прибытии позвонишь Ямщикову, скажешь, тетка пошла на поправку, но разговор с ней интересный. Он поймет, а умереть тетке нельзя, твой хозяин хоть и не Спиноза, факт смерти может и проверить. Через неделю позвонишь мне, скажу, когда возвращаться. У Ямщикова в Барнауле могут быть приятели, веди себя осторожно.

– Понял, спасибо, все учту, выполню.

– Ну а как жизнь, что в районе новенького? – спросил Гуров.

– Без перемен, в казино хозяин сменился, прежнего Лялек выжил.

– Кто новый?

– Не по вашей части, Лев Иванович. Некто Гай Борис Петрович, мужик головастый, крутой, финансист, собирается в Думу баллотироваться, – ответил Харитонов, утаив, что Гай обзавелся охранниками, налаживает связи с местной администрацией и милицией и вообще далеко не так прост, как хочет казаться.

Гуров почувствовал некоторую фальшь в словах агента, но решил, что тот лезет к новому человеку в долю, поэтому и не договаривает. В то время сыщик еще не получил задания разыскать «Бюро добрых услуг», внутренний голос промолчал, Гуров лишь вскользь подумал, что, если операция с бандой пройдет успешно и Харитонов займет в новой группировке подходящее место, то новым хозяином казино стоит поинтересоваться. Но вскоре сыщик познакомился с Марией, потом навалилась работа, и второстепенный разговор отодвинулся на задний план.

Предусмотрительный Борис Петрович Гай стал наконец хозяином казино и, как вскоре выяснилось, совершил поступок, круто повернувший его жизнь.

Гаю многое в казино нравилось, но кое-что необходимо было обязательно изменить. Он не собирался торопиться с нововведениями, считая, что очень важно понравиться всем работающим в казино, установить с людьми доверительные отношения. Казино не отличалось излишней роскошью, два зала были приведены в порядок турецкой фирмой. Гай считал, что в заведении должны были царить тихая, уютная обстановка, уважительная и дружелюбная атмосфера, девушки должны нравиться мужчинам, но не соперничать с женщинами. Гай не был наивен, понимал, что все зависит от культуры обслуживающего персонала, а культура – качество врожденное, истребляемое в России десятилетиями. Он собирался не торопясь познакомиться с каждым своим сотрудником и по возможности каждого понять.

Известно, благими намерениями устлана дорога в ад, и Гай той дороги не миновал. Учитывая национальность прежнего хозяина, в казино работало много кавказцев. Театр начинался с вешалки, казино – со швейцара. Высокий, крупный швейцар с приметным акцентом, презрением во взгляде и фальшивой улыбкой на губах не годился стопроцентно. Его требовалось убрать не только от дверей казино, но и, выяснив у Харитонова связи швейцара с местной мафией и милицией, убрать его из района, что, как выяснилось впоследствии, оказалось делом совсем не простым.

Но главные неприятности ожидали нового хозяина не в самом заведении. Гай не представлял себе, насколько значима фигура хозяина казино в районе и с каким количеством людей ему придется иметь дело. Он еще не успел вникнуть в суть дела, как в его кабинете уже побывали сотрудники милиции и контрразведки, налоговой инспекции и префектуры. Все вели себя интеллигентно, пили кофе, хотя некоторые рассчитывали на большее, но Гай твердо решил для себя данный вопрос: никакой выпивки никому не выставлять. Более-менее серьезный человек на рюмку не купится, пускать пыль в глаза и приучать к своему кабинету шушера в лице мелких чиновников он не желал.

Неожиданно позвонил бывший шеф, справился о здоровье, что Гая насторожило, так как в последний раз попрощались они довольно холодно. Гай с не свойственной ему прямоотой извинился, сказал, мол, занят, и попросил переходить к делу.

– Меня осаждают вопросами, каким образом удалось без потерь разойтись с компаньонами. – Шеф замолчал, видимо, прикрыл трубку, там слышались приглушенные голоса. Гай решил положить трубку, когда шеф вдруг заговорил снова: – К вам хочет обратиться с просьбой очень солидный человек. Мое скромное мнение, господина Самойлова следует принять и выслушать.

– Завтра в десять утра. Всего доброго. – Гай положил трубку, почувствовал тревогу, однако отказываться от встречи счел в высшей степени неразумным.

На следующий день, ровно в десять, вошел охранник, пропустил в кабинет мужчину неопределенного возраста и национальности. Гай встал и спросил:

– Господин Самойлов? – Получив утвердительный ответ, Гай отпустил охранника, пригласил гостя присаживаться. – Я вас слушаю, только не надо вступительных слов.

– Предлагаю заработать семьсот тысяч, – сказал Самойлов, и, судя по его выговору, настоящая фамилия у него была отнюдь не русская.

Гай ничего не ответил, выразительно посмотрел в сторону двери. Гость понимающе улыбнулся, покачал головой:

– Мой папа, человек мудрый, говорил, что торопиться всегда плохо. Но вы, уважаемый Борис Петрович, сказали, мол, не надо вступлений, я высказал суть, чувствую, в таком кастрированном виде она вас не устраивает. Не буду злоупотреблять вашим терпением. Один человек должен мне два миллиона сто тысяч долларов, но, увы, не отдает. У человека деньги имеются, у меня есть его расписки. Вы получаете деньги, оставляете себе треть суммы. Я считаю, что это справедливо.

– Почему вы не обращаетесь в суд – понятно, почему вы пришли ко мне – нет. Удивлен и категорически отказываюсь от вашего предложения.

– Сорок процентов.

У Гая мелькнула мысль, что за пятьсот тысяч парни Харитоновы выбьют долг из кого угодно.

– Вам, естественно, необходимо подумать, – сказал гость и положил на стол плотный конверт. – Здесь все данные на должника, копии его расписок и пять тысяч долларов – ваш гонорар за время, которое вы на меня потратили.

Гай молчал, наконец решился и ответил:

– Я попытаюсь выполнить вашу просьбу, но на определенных условиях.

Гость кивнул понимающе.

– Я не пишу никаких расписок в получении подлинных документов, которые могут мне понадобиться. И еще. Мне необходимо знать, кто назвал вам мое имя, почему вы пришли именно ко мне.

Гость покачал головой, как бы взвешивая условия, ответил:

– Расписки есть глупости, и мое положение эти глупости доказывает. Имя я назвать не могу, так как дал слово. А мой папа, человек умный, говорил, человек стоит столько, сколько стоит его слово. Вам, уважаемый Борис Петрович, я верю на слово.

– Хорошо, господин Самойлов. – Гай убрал конверт в стол. – Оставьте свою визитную карточку, я вам позвоню.

– Не стоит беспокоиться, я сам...

– Дайте вашу карточку, – перебил Гай. – Я начну с того, что установлю, кто вы такой.

– Вы мудрый человек. – Гость положил на стол визитную карточку, поклонился и вышел.

Борис Петрович Гай начал новую жизнь, хотя в тот момент и не подозревал об этом, рассматривая визитную карточку, на которой скромно значилось: «Самойлов Виктор Сергеевич, инженер, ремонт телевизоров».

Глава 4

В понедельник, двадцать пятого сентября, в кабинете сыщиков все было на своих местах, как и неделю назад, когда генерал Орлов «предложил» полковнику Гурову принять меры к розыску людей или организации, которая взяла на себя тяжкий труд получать с людей или организаций долги. А не согласных платить – устранять, что в переводе на русский язык означает убивать.

За неделю никаких перемен не произошло, разве что Станислав Крячко не писал за столом, а сидел в своем кресле и смотрел в окно. Гуров же по привычке расхаживал по кабинету.

– Почему ты молчишь? – Гуров остановился напротив Крячко. – Ждешь, пока я не придумаю, как нам выбраться из тупика?

– Ты упрям, Лев Иванович, я не собираюсь тебя перевоспитывать. Глупо, бессмысленно, а мне, как подчиненному, и небезопасно. Ты, а не я произнес слово: тупик. Не в первый раз забрались, и выход давно известен – все скорости назад, до развилки, искать новую дорогу. Версия с Аляшиным – ложная версия.

– Брата Аляшина убили? Факт. За Аляшиным велось наблюдение? Факт.

– Аляшин отказывается давать показания? Факт. – Крячко загнул палец. – Проверка людей, которые за ним следили, ничего не дала. Тоже факт. Я тебе говорю, в этом аквариуме рыбы нет, ловить нечего.

– У тебя есть другой аквариум? – спросил Гуров.

– У меня есть начальник. Он гений сыска и должен вывести меня на дорогу.

Подобные стычки между сыщиками случались не часто и совершенно не влияли на их личные отношения. В подобных случаях они походили на боксеров-профессионалов, которые в тренировочном бою наносят друг другу жесткие удары, пытаются пробить защиту и сбить дыхание, затем не спеша моются в душе, массируют затекшие мышцы и мирно беседуют о погоде.

– Наличие начальника не освобождает тебя от обязанности думать самостоятельно. Аляшин явно боится, но на контакт с властями не идет. На что он рассчитывает?

– У Аляшина с кредиторами имеется неизвестная нам договоренность, – ответил Крячко. – Непонятно, почему его держат под наблюдением?

– Боятся, сбежит, разыскать человека за рубежом – дело хлопотное и дорогое. Я бы все происходящее мог понять, если бы не состав группы преследования. Здесь все по-уродски. Почему используется машина, обслуживающая депутатский корпус? Почему наблюдающих четверо, хотя вполне достаточно двоих? Отвечай, Станислав, что ты уставился в окно?

– Я же тебя не попрекаю, когда ты шарахаешься по кабинету как очумелый. – Крячко крутанулся в кресле. – Ты забываешь, что мы в России, где самые нелепые накладки и противоречия составляют суть бытия. Почему машина из гаража обслуживания? Хозяин деньги на транспорт выделил, а у меня дружок в гараже работает. На кой черт я буду отдавать деньги дяде, когда я могу с приятелем поделиться? Почему работают четверо, когда достаточно двоих? Платят хорошо, работа непьющая, катайся себе да глазами хлопай. Начальство в кабинете сидит, чего угодно объяснить можно. К примеру, можно соврать: мол, объект беспокойный, часто заходит в большие магазины, вдвоем его легко потерять.

– Говоришь, лишь бы сказать, сам своей брехне не веришь. – Гуров присел на край ничейного стола, который стоял вдоль левой стены кабинета. – Дело ставят профессионалы, они все продумали, прекрасно знают, где хватит двух человек, а где нужны все четверо. Ты беседовал с этими людьми, сам говоришь, что двое – люди бывалые, а двое – случайные. Складывается впечатление, что нам просто голову морочат, будто ловят на живца.

– Ты и рыбу-то в жизни не ловил, – фыркнул Крячко. – Слово знаешь, а смысла не понимаешь. Если ж с рыбалкой сравнивать, то нас не на живца ловят, так как мы на такую дохлятину никогда не бросимся. Скорее нас к определенному месту прикармливают, хотят знать, где и когда нас можно найти.

Гуров смял сигарету, которую только что вынул из пачки, взглянул на друга внимательно, слез со стола, не стал расхаживать по кабинету, а неторопливо прошел на свое место, уселся в кресло прочно, стал задумчив. Станислав не мог понять, что он сказал такого, что так озаботило друга, притих, ждал, когда Гуров выскажется.

– Ты сказал, что один из четверых, катавшихся в машине за Аляшиным, в недавнем прошлом сотрудник угро. – Гуров оперся на стол, лицом внезапно осунулся, от его недавней рассеянности и лености не осталось и следа.

– Ну? – Станиславу передалось напряжение товарища. – Дуров Артем Григорьевич, старший опер райуправления, прослужил в милиции пятнадцать лет, от роду – тридцать восемь, уволен за систематическую пьянку.

– Тридцать восемь, пятнадцать службы, ас, в самом соку и старший опер. – Гуров покачал головой. – Когда ты с ним разговаривал, запах чувствовал? А с лицом у него как? Ты понимаешь, что я имею в виду?

– Запах был, – ответил задумчиво Крячко. – Но, понимаешь, не стойкий перегар, а свежий, словно человек пару рюмок только махнул. Лицо нормальное, гладкое, выглядит моложе своих лет. Я тогда удивился... С этим бывшим ментом что-то не так, глаз ясный, хитрый, мне почудилось, он меня знает. Он улыбочку пару раз проглотил, вроде хотел по-свойски шуткануть, да передумал. Сейчас он работает охранником в казино «Фламинго».

– Стоп, стоп, месяца три назад об этом казино и у меня был разговор, – Гуров щелкнул пальцами, – точно, с Харитоновым. В казино сменился хозяин. Ладно, я отвлекся. Странно, в таком возрасте, со стажем и всего старший опер района.

– В кадрах сказали, что он месяцами не просыхал.

– У нас, когда человека уволят, в кадрах могут сказать, что он мать родную убил. Вздорный характер либо показатели не выводил, вот начальство и не привечало мужика. Охранник в казино, работа в основном поздняя, значит, днем Дуров свободен. Кататься следом за фраером в машине сыскного опыта не требуется. Интересно. Твоя фраза, Станислав, о прикорме рыбы и присутствие в машине бывшего розыска наталкивают на дурные, мрачные размышления.

– Что нас с тобой готовят к ликвидации, – брякнул Крячко.

– Грубый ты человек, Станислав. Прямолинейный и грубый. – Гуров встал, запер сейф. – Прежде чем человеку подобную вещь сказать, его требуется морально подготовить. На худой конец обедом накормить.

– Да я за тобой хоть в огонь, хоть в воду, а в столовую, так бегом, – ответил Крячко.

Уволенный из милиции полковник Павел Петрович Усов охранял дачу члена правительства, которая находилась в одном из самых престижных подмосковных мест – на Николиной Горе.

Не только розыск, следствие, но и судья не сомневались, что Усов брал взятки и снабжал преступников ценной информацией, в частности предупреждал о засадах. Избитая в судах истина: знать – это одно, а доказать – совершенно иное дело. И уголовное дело против П. П. Усова было за недоказанностью прекращено, бывший полковник из-под стражи освобожден. В министерстве прошел слух, что Паша подал иск о возмещении ему денежной компенсации за четыре месяца предварительного заключения. Но Усов ушел тихо, может, с кем из бывших коллег и перезванивался, но ни генерал Орлов, ни полковник Гуров о нем ничего не слышали.

Итак, бывший начальник отдела главка МВД работал сторожем и был крайне доволен. Десятилетиями в нашем сознании дача была связана с резиновыми сапогами, копанием бесконечных грядок, текущей крышей, проваленным крыльцом да покосившимся сортиром.

А не хотите каменный особняк с балюстрадой, пять спален, три ваннные комнаты, кухню привезли невесть откуда, и, чтобы пользоваться всей встроенной аппаратурой, нужно в отряде космонавтов обучаться? Хотите? Становитесь министром, говорите о благе народа, с утра до вечера заботьтесь о собственных нуждах, может, и повезет. О конкурсе на министерские портфели даже в нашей прессе, которая пишет о чем угодно, ругается матом, о конкурсе ни единого слова. Журналист – человек свободный, дерзкий и с фантазией. Сегодня о конкурсе на министерский портфель напишешь, а завтра земной шарик повернется, на верхотуре кое-кто завалится и тебе самому тот портфельчик и предложат.

Павел Петрович Усов никаких конкурсов не проходил, освободившись, позвонил кое-кому, предложил свои услуги. Многолетняя служба в сыске плюс связи в криминальном мире мгновенно сработали, отставной полковник получил ряд интересных предложений и, к всеобщему удивлению, выбрал скромную должность охранника. Поселили его в крохотном домике близ барского особняка, две комнатки, кухня, верандочка, все удобства, телефон да, считай, полгода пустующий особняк, хоть приемы устраивай, хоть в футбол гоняй.

В семье после суда и увольнения Усова все пошло наперекосяк, Усов детей любил и разрыв тяжело переживал, но смирился, жил уединенно, но крайне активно. Положили ему оклад в тысячу долларов, таких денег у него раньше не бывало. Усов нанял дворника Османа, бывшего старшину милиции, человека выпивающего, но знающего меру и работающего, главное, молчаливого. Осман, человек неустановленной национальности и вероисповедания, был крепок, жилист и трудолюбив, так что аллеи всегда и в любое время года чисто выметены, дрова для шашлыка заготовлены, стоявшая в гараже машина сверкала.

Вставали Усов и Осман около семи, летом раньше, работали до темноты, зимой часиков до восьми. Усов начинал день с легкой гимнастики, потом кормил собак, супружескую пару немецких овчарок, обходил по периметру двадцать пять соток, проверял крепость замков, исправность сигнализации. После завтрака вместе с Османом, который выпивал рюмку настойки, Усов просматривал газеты, смотрел недолго телевизор и садился к телефону. Звонков было множество, но все разговоры отличались лаконичностью, несколько слов, междометий – и конец связи.

Если особняк пустовал, к Усову ежедневно приезжали один, двое, изредка трое мужчин. Иногда приезжала женщина, обычно она оставалась ночевать. Когда в особняке жили хозяева, Усов после обеда часа на два, на три уезжал в город. Где полковник бывал, с кем встречался, никто не знал, да и не интересовался.

А Усов создавал свою криминальную структуру. Он был относительно молод, еще не исполнилось и пятидесяти, полон энергии, служить категорически не хотел. Он не блистал особыми талантами, но был умен, жизнь знал, и, предложи ему господь должность помощника Президента, Усов, не задумываясь, отказался бы. Четверть века он служил, порой прислуживал, ему это изрядно надоело, хотелось поруководить. Он стал хозяином в имении министра. Усову его должность нравилась. Когда собирались гости, он исполнял роль дворецкого или мажордома, черт разберет, какая между ними разница. Он приобрел смокинг, фигуру имел спортивную; небольшой животик, который приобрел в министерстве, за несколько месяцев жизни на воздухе пропал. Итак, в смокинге, с отличной выправкой, он встречал гостей на парадной лестнице. Обладая профессиональной памятью на лица и имена, Усов уже через полгода стал среди съезжавшихся гостей чуть ли не своим. О его звании в недавнем прошлом знало, конечно, абсолютное большинство. Он никогда на приемах не пил, а рассказывать, даже разносить пьяных ему приходилось. И на следующий день вчера в лоскуты пьяный чувствовал

себя со сдержанным, молчаливым Усовым неловко, вроде как бы некредитоспособным должником.

Как все опытные розыскники, Усов был нетороплив, знал, что первым приходит человек,двигающийся к цели неумолимо, шаг за шагом. Около трех месяцев он подбирал людей, встречался с бывшими сослуживцами, вел долгие беседы ни о чем, проверял на спиртное, давал деньги взаймы, потеряв на этом около трех тысяч долларов, о потерянном не жалел. Усов не знал, чем конкретно займется, когда команда окажется в сборе. Он ежедневно внимательно читал газеты и смотрел телевизор, следил за уголовными процессами, определял направления ударов, которые наносили преступные группировки. Вскоре он понял: экономику в целом, и конкретных бизнесменов в частности, душат взаимные неплатежи. Если стать посредником в решении споров, можно приобрести состояние и соответствующую власть. Здесь требуется соблюдать умеренность, не лезть в высшие сферы, не светиться. Переговоры следует вести мирным путем, но за переговорами должен стоять господин «калашников». Следовательно, необходима группа боевиков, никоим образом, даже тонкой ниточкой, не связанная с ним, полковником Усовым. Цепь должна быть длинной, но главное не в ее длине. Как бы ни был глубок колодезь, но если между воротом и ведром, которым черпаешь, цепь не оборвана и все звенья спаяны, то терпеливый, опытный человек рано или поздно за ведро уцепится и поднимется к человеку, который держит рукоять ворота.

Так как без убийств не обойтись, то рано или поздно розыском займется Гуров. При мысли о неминуемой встрече с ненавистным Гуровым у отставного полковника пробегали мурашки, тело холодило озноб. Усов боялся этой встречи и жаждал ее. Боялся, зная, что Гуров силен и непредсказуем, жаждал, так как мечтал о расплате за разоблачение, арест, позор и развал семьи.

Усов был достаточно объективен в оценке сил и признавал за противником превосходство. Но, как опытный розыскник, Усов знал, инициатор розыска не может не рисковать, не идти на мелкие нарушения закона, значит, Гурова можно подловить. И тут он, Усов, будет иметь неоспоримое преимущество, так как сам находится в тени, а Гуров – под прессом непосредственного начальства, прокуратуры и шарящих по темным закоулкам лучей прессы.

Именно под негласным руководством Усова умный, но в оперативных разработках не сведущий Борис Петрович Гай приобретал известность на стыке криминальных и финансовых сфер. Такой человек, как Гай, был просто необходим Усову.

Логические построения Усова были близки выводам Гурова и Крячко: Усов решил, что в штабе новой компании должно быть, кроме него самого, три не связанных друг с другом человека. Кроме того, необходим финансист с определенной репутацией, которого следует использовать втемную и через него получать заказы, вести денежные расчеты. О существовании такого человека сыщики не догадывались, и это был один из их главных просчетов.

В тот сентябрьский ясный вечер ни министра, ни членов его семьи в особняке не было. Усов обходил свои владения, овчарки спокойно рыскали по кустам, рядом с отставным полковником шел его заместитель по оперативной части, тоже бывший розыскник Артем Дуров.

– Рано Гуров появился на нашем горизонте, слишком рано. И твоя встреча с Крячко тоже не совсем вовремя, – рассуждал Усов, высвечивая фонарем дорогу.

– Раньше или позже – этого миновать было нельзя, – ответил Дуров. – Станислав опознал во мне сотрудника сразу, я и не скрывал, чего дурака валять. Поговорили как свои люди, я, когда увидел, что нас «ведут», глотнул из фляжки, надо легенду о моем пьянстве поддерживать.

– Ты бы брился реже, больно вид у тебя лощеный.

– Не годится, я служу в фирменном казино, должен соответствовать.

– Крячко опасных вопросов не задавал?

– Легенду задержания он двинул нормальную. Мол, схожая «Волга» в розыске и была использована при нападении на инкассатора. Скользкий вопрос был один, точнее, даже не

вопрос, а недоумение. Как это битый опер попал в одну компанию с таким гонористым дураком-черножопым, как Назим Рзаев. В принципе полковник вел себя дружелюбно и открыто.

– Его манера. Эту открытость люди в зоне часто вспоминают.

– Ведомо, не мальчик, – огрызнулся Дуров, споткнулся о корень и матюгнулся. – Спросил, где мы депутатскую машину раздобыли. Я ответил, что сегодня зарплаты никому не хватает.

– О том, что вы следили за кем-либо, он не проговорился?

– Обижаешь, Павел Петрович, Станислав розыскник, а не фраер.

– Он тебе нравится? – безразлично спросил Усов, останавливаясь у своего домика, ударил хворостиной кобеля. – Гулять, Гром, гулять! – Собаки с радостным визгом рванули в темноту.

– Крячко? Нормальный мент, дело знает, – ответил Дуров. – У него «Мерседес-200», у Гурова – «Пежо-405». Гуров часто оставляет машину у министерства, к дому его подбрасывает Станислав.

Усов согласно кивал, думая о чем-то своем, расстелил на столе карту центра Москвы.

– Дай выпить, знобит. – Дуров повел плечами, смотрел на манипуляции с картой неодобрительно.

Усов достал из шкафа бутылку коньяку, два стакана, коробку конфет, налил себе и выпил.

– Не больно ты радушный хозяин. – Дуров тоже налил и выпил.

– Я не хозяин, ты, Артем, не слуга, мы – партнеры. – Усов разглядывал карту.

– Леня Голубков и Мавроди тоже партнеры.

– Не понял. – Усов глянул сердито. – Ты считаешь, что я ущемляю твои интересы?

– Я считаю, что ты ведешь закрытую игру и держишь меня за болвана. Хочу – открою карты, не хочу – будешь с закрытыми сидеть. Я знаю, у тебя с Гуровым личные счета, вижу, ты отслеживаешь его маршруты. В нашем деле ничего личного быть не должно. Если ты собираешься Гурова ликвидировать, я тебе не партнер.

– Все сказал? – Усов разгладил карту, провел пальцем по вычерченной на ней линии. – Гурова необходимо ликвидировать, иначе мы будем постоянно находиться в опасности. Ни ты, ни я участия в ликвидации принимать не станем, обойдутся без нас.

– Кто?

– Мы с тобой человека не знаем, это парень Назима Рзаева, но не айзек, а узбек. Он сидит на игле и полностью зависим.

– Наркоман и черный! – усмехнулся Дуров. – Какие же у него шансы против Гурова! Полковник и подойти к себе не даст.

– Согласен. Гуров ориентируется и стреляет очень быстро. Ты прекрасный оперативник, Артем. Но ты тактик, а здесь нужна стратегия.

– Какая, к черту, стратегия? – Дуров подошел к буфету, снова выпил. – Допустим, ты сумеешь поставить парня в нужное время в нужном месте, хотя я в это верю слабо. Допустим, Гуров оплошает, хотя мне известно, что он лишь однажды выстрелил с киллером одновременно. Но то был киллер-ас, а не мальчишка-наркоман. Но в твоём плане не стратегия, а сплошные дырки. Ты изначально сказал: я твой зам по оперативной части. Если хочешь, чтобы я с тобой работал, говори мне все, использовать себя втемную я не позволю.

– У меня нет секретов, да мне без тебя и не обойтись. – Усов налил в оба стакана, один протянул Дурову. – Твое здоровье, Артем, и слушай, какую я собираюсь проверить операцию.

Артем вывел свои «Жигули» на Минское шоссе и направился в сторону центра. Выслушав Усова, Дуров признал, что операция задумана толково, удастся она или нет, риск исключен. В любом случае руководители, то есть Усов и Дуров, остаются вне поля зрения ментовки и прокуратуры. Настроение у бывшего опера было паршивое, он остановил машину у сверкающих палаток, купил бутылку водки. Он редко напивался, сегодня почувствовал, что ему необ-

ходимо. Одно дело – добывать деньги нечестным путем, сегодня это делает каждый, кто умеет, иная история – убивать своих бывших товарищей. Слушая Усова, Артем понял, что Гуров и Крячко – это только начало, убрать их – на том же месте появятся другие. Не сытые генералы, не номенклатурные кадровики, а свои парни – оперативники, жизнь которых сложилась удачнее, чем у него, Артема Дурова.

Что за страна Россия, где последовательно при всех режимах уничтожают лучших, а верных сынов превращают в непримиримых врагов, расчищая путь наверх бездарностям и проходимцам? Когда он начинал работать в милиции, то наверняка в ней служили мздоимцы. Но они тщательно прятались, были исключением, как говорится, в семье не без урода. Служить в розыске было делом почетным. Оперативника, если он человек, даже отпетый уголовник-рецидивист уважал. Ненавидел, но уважал. Я ворую и рискую, ты меня ловишь и тоже рискуешь. Коррупция в милицию пришла сверху, когда в руководство стали насаждать партаппаратчиков. Тогда у Артема отношения с начальством уже не ладились. Лишь непосредственные начальники, вчерашние оперы, относились к нему с уважением, ценили профессионализм и преданность делу. Что такое опергруппа в отделении милиции? Несколько сыщиков, которые друг у друга как на ладони, каждый рубль на виду, и не потому, что следили друг за другом. В семье брат за братом или за сестрой не следит, но попробуй купить новые туфли. Тридцать, сорок рублей были большие деньги, на дороге не валялись, так где взял?

Начальство начало прятать материалы на детей власть имущих. Там хулиганка, там изнасилование, а подозреваемый – сынок директора, который дружен с секретарем. И началось. Это оставь, то придержи, еще вчера дружная оперативная команда расслоилась. Кто боялся «возникнуть» либо желал выслужиться – в одну сторону, остальные – в другую. В этой, «другой», стороне и оказывался Артем Дуров. Нельзя сказать, что он был бессребреник и ни разу в жизни не взял. Но брал он по мелочи, главное, по симпатии. Если Дуров видел, что человек украл с голоду, от безнадеги, то мог спустить дело на тормозах, «потеряв» нужного свидетеля, в таких случаях и брать-то было нечего. Иное дело драки, ломали головы друг другу люди порой и состоятельные, а в последние годы так просто богатые. В таких случаях Артем материал следователю порой не передавал, судил сам, по совести. И если он видел, что потерпевший – сука, а судить надо парня стоящего, то мог и передернуть, и ящик коньяка в багажнике своей машины «найти». В общем, кристальным и принципиальным Артема Дурова назвать было никак нельзя.

Но в одном он был человек упертый: начальство, которое в работе не секло, ему было не указ, вплоть до полного неповиновения. Никакой начальник такого отношения не любит и терпеть не будет. Дурова обходили должностями и задерживали очередное звание. Ему приклеили ярлык – пьяница, а так как в розыске не употребляли только больные и очень хитрые, то взять опера с поличным было делом не сложным. Кончилась его карьера грандиозным скандалом. Один сынок депутата Думы изнасиловал несовершеннолетнюю, напоил, нанес увечья. На свою беду, на крики девчонки по вызову соседей выехал Артем. Дело оказалось ясным, как выеденное яйцо. В общем понятно, опер не отступил, материал оформил надлежащим образом, следователь прокуратуры из штанов выпрыгивал, но помочь насильнику не смог, так как Артем позвонил в газету, да не в какую-нибудь, а в «МК». Дело пришлось передавать в суд, на беду насильника, судьей оказалась женщина, и сынок депутата Думы получил на полную катушку. Начальника РУВД понизили в должности, а Артема Дурова уволили из милиции за «систематическое употребление спиртных напитков в служебное время».

Он всегда не любил начальство, теперь его возненавидел. Он прекрасно знал, что в милиции работают люди разные, но лучшие систематически выпадают в осадок, умные не нужны, требуются люди удобные. Дуров подался было в частное сыскное бюро, но взаимоотношения опять не заладились, надо признать, что характер у Артема был не сахар, а проще сказать, хреноватый характер. Плюс ко всему парень был озлоблен, кидался на людей без причины. В

такой момент и позвонил ему Павел Петрович Усов, пригласил в «имение», они поговорили по душам раз, второй, после чего Усов устроил Артема в казино, сказал, чтобы парень вел себя тихо.

Дело в том, что много лет назад они вместе работали по одному делу. Усов был начальником, быстро раскусил характер сильного опера, предоставил ему свободу действий. Сам Усов в те годы с мафией связан не был, поддерживал Артема из благих побуждений, так как ценил профессионалов и рассчитывал в будущем взять его в свой отдел. Но жизнь закрутила, полковник шустрого капитана забыл и вспомнил о нем, лишь когда устроился в министерское имение и начал подбирать команду. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Естественно, что эта пословица в конкретной ситуации коснется только Усова. Ему повезло, что бюрократия и проходимцы выкинули Дурова за борт, а Павел Усов оказался рядом.

Они встречались почти ежедневно, говорили о жизни, о службе в розыске. Усов сказал, что его уволили, спровоцировав на взятку, вроде бы признал вину, объясняя, что не хватило сил смотреть, как гребут лопатами, вот и оскоромился, а начальство его подставило. Бывший полковник очень медленно и тщательно готовил Артема к решающему разговору, засекая реакции опера на те или иные примеры коррупции среди сотрудников милиции.

Наконец Усов решился и сделал Артему конкретное предложение:

– Я помог одному человеку получить солидные деньги. Человек считает, что ему помог случай, надо открыть ему глаза и забрать у него свою долю.

– Сколько? – на удивление спокойно спросил Артем.

– Он получил двести тысяч, – ответил Усов. – Я считаю, он должен отдать семьдесят. Я ему создал репутацию крутого мужика. Недавно я подтолкнул к нему еще одного просителя, тут дело пахнет сотнями тысяч, а то и миллионом.

– Я человека знаю?

– Знаешь. – Усов улыбнулся.

– Мой шеф, Борис Петрович Гай. Он мужик умный, с ним легко иметь дело. – Дуров быстро просчитал комбинацию. – Гая знают в коммерческих кругах, он свой, и в случае нужды к нему не грех и обратиться за помощью. Никакой банкир не станет иметь дело с уголовным авторитетом, а с коллегой рангом ниже станет. Лучше получить часть долга, чем потерять все.

Все эти разговоры велись весной, еще не убили Аляшина-старшего и не надвинулась тень Гурова.

Артем Дуров после второй встречи с Усовым понял, что бывший полковник имеет на бывшего капитана серьезные виды, и не сомневался, что предложение будет носить криминальный характер. Артем считал такое положение нормальным, зачем еще может понадобиться битый опер? В мае, когда Усов в конце концов решился и выложил часть своих карт на стол, Дуров воспринял предложение спокойно. Он не сомневался, Усова не подставили на взятке, он запутался в коррупции, и карты полковник показал не все, в рукаве осталось, но все это Артема не волновало. Он свою задачу определил, решил твердо: все дозволено, кроме убийства. Стрелять он будет, как и прежде, только в порядке самозащиты.

Он вошел в кабинет Гая в одиннадцать утра, когда хозяин проверял счета и никого не принимал, все сотрудники казино об этом знали. Гай взглянул на охранника настороженно, ничего не сказал, кивнул на кресло.

– Борис Петрович, вы горькое лекарство пьете сразу или сначала пробуете? – спросил Артем, усаживаясь.

– Я стараюсь лекарства не употреблять ни горькие, ни сладкие, – ответил Гай и закрыл лежавшую перед ним папку.

– Вы вышли из прошлого бизнеса, получив двести тысяч отступного, хотя по занимаемой в компании позиции не могли претендовать даже на один доллар. Вы умело обыграли неужи-

данное убийство вашего партнера по переговорам. Вы считаете подобную ситуацию нормальной?

– Я не спрашиваю, откуда вы все знаете. Это факт вашей биографии.

– Профессии, – поправил Дуров. – Вы не ответили на прямо поставленный вопрос.

– И не собираюсь, – спокойно ответил Гай, даже облегченно вздохнул. Он знал, рано или поздно подобного разговора не избежать. – Я никогда не брал в руки оружия и не нанимал убийц. В Москве убивают, прискорбно, но факт. Кто и какие выводы делает из тех или иных убийств, мне неизвестно.

– Вы помогли своему бывшему шефу сделать выгодные для вас заключения.

– Вы юрист, Артем Григорьевич, человек опытный и прекрасно знаете, что доказать можно, а что нельзя.

Дуров посмотрел в лицо хозяина и заскучал. По многолетнему опыту работы в сыске он знал: самый несговорчивый человек – это дурак. Видимо, Гай увидел в лице охранника некий дурной признак, потому что без всякой надобности зажег и погасил настольную зажигалку. Он любил прикидываться человеком недалеким.

– Вы производите впечатление человека разумного. – Артем считал ситуацию предельно ясной и очень не хотел вдаваться в подробности, раскладывая все по полочкам. – У вас было достаточно времени, чтобы подготовиться к этому разговору. Вам не глупости надо говорить, а задать один вопрос: сколько?

Гай собрался возразить, но Дуров, проведший за время службы несчетное количество допросов и душевспасительных бесед, уже понял: хозяина не уговорить.

– Намедни к вам обратился инженер по ремонту телевизоров. Ему не возвращают долг. Пустячная сумма – два миллиона сто тысяч долларов. Инженер по ремонту телевизоров, как любой гражданин, имеет право давать займы и возмущаться, когда ему долги не отдадут. Вы, шеф, будете продолжать валять дурака или мы перейдем к решению конкретных вопросов?

– Каких вопросов? – с трудом выговорил Гай.

– Вы самозванец, беретесь за работу, которую не способны выполнить. Ваше дело развлекать и угощать богатых людей, а по утрам подсчитывать доход да исправно платить налоги. Вы беретесь получать криминальные долги, это не ваша работа, а Якова Семеновича Ямщикова, по кличке Лялек. Если не верите, проконсультируйтесь у Бориса Михайловича Харитонова.

– Я не собираюсь ни у кого отбивать хлеб.

– Я уже сказал, хватить болтать. Если Лялек узнает о нашем разговоре...

– Не узнает! – воскликнул Гай.

– Короче, шеф, на сегодня расклад такой. – Дуров сделал паузу, давая возможность Гаю высказаться, но тот молчал. – Семьдесят тысяч вы нам должны за ликвидацию вашего партнера, в отношении заказа инженера по ремонту телевизоров, – он усмехнулся, – давайте думать. Вы в данном вопросе абсолютный фраер. Согласны?

– Семьдесят тысяч долларов – солидные деньги, и отдавать их под складные разговоры я не собираюсь. Лялек для меня опасен, но он в принципе опасный человек. Этот шантаж у вас не пройдет. – Гай собрался с мыслями, обрел некоторую уверенность. – Если идет речь о создании определенной корпорации с четким распределением обязанностей и прибыли, то вопрос можно обсудить. Если вы хотите получить деньги за информацию, которой вы обладаете, то вы ошиблись. Мне проще отдать мастера по ремонту телевизоров Ляльку и забыть вас как дурной сон.

– Мы выполняем заказ, который вы неосмотрительно приняли, вы получаете все деньги, отдаете две трети и долг. В дальнейшем мы обеспечиваем вас новыми заказчиками. Они будут, так как получение долгов – животрепещущий вопрос сегодняшнего бытия. Отношения никак не оформляются, никто ничего не пишет. Договорились?

– Мне надо подумать, – ответил Гай.

– Разумно. Надеюсь, пяти минут вам хватит. – Дуров взглянул на часы, вытянул ноги, устроился в кресле удобнее.

Слежка за Аляшиным прекратилась. Наружное наблюдение проследило за азербайджанцем Рзаевым и его молодым соотечественником, убедилось, что они сели в самолет и улетели в Баку. Артем Дуров работал в казино, в свободное время отсыпался в своей однокомнатной квартире, ни в чем предосудительном замечен не был. «Волга», которая в свое время была задержана для проверки, один день была разгонной и возила различных депутатов, потом, видимо, была закреплена за председателем комиссии депутатом Котовым Григорием Давыдовичем, рьяным коммунистом, человеком из окружения Зюганова.

Наружное наблюдение пришлось снять, сыщики Гуров и Крячко оказались у разбитого корыта. Больше часа они вели пустопорожние разговоры в кабинете генерала Орлова. Гуров дважды вспоминал Павла Усова, утверждал, что без бывшего коллеги данное дело не обошлось.

– Я устал от тебя, Лев Иванович, – сказал наконец Орлов. – Ты заикнулся на Павле. Мы уже трижды проверяли, он работает на даче министра, практически не выходит с территории. Установить за дачей наблюдение нам никто не позволит. Эту зону курируют достаточно квалифицированные люди. И хватит об этом, если у тебя появится что-нибудь конкретное, готов выслушать.

Когда сыщики вернулись в свой кабинет, Крячко сказал:

– Положение у нас паршивое. Хуже нет, чем ждать и догонять. Что-то тебя гложет, Лев Иванович, поделись.

– Ты, как и Петр, любишь оперировать фактами, у меня их нет, – ответил Гуров. – Я могу лишь рассуждать на отвлеченные темы. Начнем с Аляшина. Наблюдение за ним выглядит странным, необъяснимым, но если предположить, что между Аляшиным и организатором убийства его брата достигнута договоренность, то почти все становится ясно.

– Мне можно встрывать или помолчать? – спросил Крячко.

– Валяй.

– Коли достигнута договоренность, к чему наблюдение?

– Станислав, ты так привык изображать из себя недоумка, что и со мной играешь, – раздраженно ответил Гуров. – Аляшина припугнули, он согласился долги брата вернуть. Но страх – чувство проходящее. А когда за тобой постоянно следует машина с четырьмя амбалами, страх не проходит, а усиливается. Мы с тобой ломали головы, почему их четверо, когда вполне достаточно двоих. Организатор действия умышленно засветил свое наблюдение и прессинговал жертву. Когда вы остановили «Волгу», рядом с водителем сидел Рзаев? А на заднем сиденье, между прочим, сидел молодой русский парнишка.

– Володин Степан Иванович, двадцать четыре года, после армии работал год в милиции, – сказал Крячко. – Сейчас охранник-шестерка в мелком СП.

– Разумно в машину наружного наблюдения рядом с водителем сажать усатого азербайджанца? – тихо спросил Гуров и вздохнул. – Наши наблюдатели не работают, отбывают номер. Они должны были в первый же день нам сообщить, что объект умышленно засвечивается. И с тобой Рзаев вел себя вызывающе. Думается, что пацана Володина в экипаж взял бывший опер Дуров. Он присматривается к мальчишке, имеет на него виды. Вот тебе и весь фокус с наблюдением.

– Но были другие машины и другие люди.

– Нам не сообщили, как «вели» Аляшина. Просто организатор данного действия тоньше и умнее наших обычных клиентов. Он такой, как ты или я, опытный сыщик.

– Опять Павел Усов? Ты, Лев Иванович, не решаешь задачу, а подгоняешь решение под нужный тебе ответ.

– Полагаешь? – Гуров смотрел на друга грустными, казалось, поблекшими глазами. Это уже не был статный, самоуверенный, ироничный сыщик, теперь Гуров походил на усталого и не уверенного в себе человека. – Возможно, возможно, однако вряд ли, Станислав. Подожди, я сейчас возьму себя в руки и тебе врежу. У тебя ничего нет? – Он шелкнул по горлу.

– Я законопослушный чиновник, не держу.

– Ты большой лгун и садист! – Гуров поднялся из-за стола, потянулся, распрямил плечи. – Какие основные качества присущи Павлу Петровичу Усову? Тщеславие и стремление к власти.

– Обычные мужские слабости.

– Зависит от размеров. Пашу они разрывали на части. Его на этом и вербанули. И вот в один прекрасный день человек лишился всего. Он был не слабак, поэтому не сломался и не запил. Если бы такое случилось, его не держали бы в резиденции министра. Убежден, он блюдет себя, поддерживает в хорошей физической форме. При его связях и биографии у него не было заманчивых предложений? Да такие люди сейчас на вес золота. Однако он поселился в глуши, наступил на собственную гордость, прислуживает черт знает кому. Я не имею в виду министра, не знаю его, возможно, он вполне достойный человек.

– Это вряд ли, – ввернул Крячко одно из любимых выражений друга. – Сегодня любой министр в первую очередь человек нужный, управляемый. Другие там не задерживаются.

– В любом случае министр – человек занятой, на даче не живет постоянно, приехал на день отдохнуть, провел нужные переговоры – и в стойло. В имении гуляет семья и прихлебатели, и Павел Усов прислуживает и терпит. Хотя не удивлюсь, что он отыскал в этой команде пару подходящих холуев, которых можно на водке и девочках подловить и вербануть. Но дело не в этом. Такая берлога очень подходит для человека, готовящегося к броску. Уединение, хорошо охраняется, телефон, пять минут от Москвы. Он подбирает людей, обдумывает план, возможно, уже действует.

– Он просто тот человек, которого мы ищем, – сказал Крячко и рассмеялся.

– Станислав, ты напрасно веселишься. Неужели ты не понял, что вся наша жизнь состоит из самых невероятных совпадений?

Зазвонил телефон, и Крячко снял трубку:

– Приемная полковника Гурова. Здравствуйте. Говорит его помощник. Девушка, в нашей организации не занимаются розыгрышами. Из Италии? Хорошо, соединяю, – передал трубку Гурову.

– Здравствуйте. Гуров. Спасибо. От кого? Большое спасибо, обязательно подъеду. Говорите, я запомню. Протоchnый переулок, восемь, в семь часов, – повторил Гуров. – Я знаю, где этот переулок. До свидания. – Он положил трубку, взглянув на Крячко. – Какая-то актриса привезла мне из Италии от Марии сувенир и письмо.

Сыщики помолчали, оба знали Протоchnый переулок, который спускался от Садового кольца к набережной.

Сыщики подъехали к Смоленской площади в начале седьмого, припарковались и пошли к Протоchnому. Переулок был грязный, изрытый. Шли они по разным сторонам. Крячко по четной и чуть впереди.

«Не станет Мария ничего посылать, – думал Гуров. – Тем более писать. Все это очень похоже на ловушку. Но откуда известны Мария и Италия?» Он зашел в подъезд расположенного почти напротив дома восемь, закурил, хотя и понимал, что делать этого не следует. Чувствовал он себя отвратительно, как-то раздвоенно и противоречиво. С одной стороны, звонок был самый обычный, опытному сыщику стыдно так перестраховываться. С другой – настораживало место встречи. Старая Москва, облупленные дома, в которых доживали свой век старики, не согласившиеся уезжать на окраины, а в центре им квартир не давали.

Темнело, в переулке было сумеречно и малоллюдно. Если это засада, то киллер будет один, максимум двое, и их надо брать. Но они могут ждать машину, находиться так же и в подъезде или дворе. Если это действительно Машина приятельница-актриса, она выскочит из подъезда, начнет оглядываться. А может, она стоит у окна и ждет машину, а он, как дурак, прячется, боится собственной тени.

Станислав спустился по переулку, Гуров друга не видел, но неожиданно услышал его громкий веселый голос:

– Мамаша, здравствуйте! Да не бойтесь, я трезвый и абсолютно безопасный.

– Чего надо? – Голос у женщины был грубый, пропитой.

– Должен был к семи подъехать, да машина заглохла. Девушка меня тут ждет, а я номер дома забыл! – Крячко говорил громко, словно разговаривал с глухим.

– Чего орешь? В округе самая симпатичная девушка – это я! – Женщина хрипло рассмеялась. – У тебя в плаще ничего, случаем, не завалилось? Или только в штанах?

– Озорная ты, мать! – Крячко хохотнул.

И тут Гуров увидел вышедшего из двора мужчину. Его серая фигура сливалась на фоне серого облезлого дома. Гурову не был виден Крячко. Судя по доносившимся голосам, Станислав стоял на той стороне, где был подъезд, в котором находился Гуров, до незнакомца метров пятьдесят, автомата у него нет, а для пистолета далековато. Да еще неизвестно, как стоит женщина, может, она мешает стрельбе.

Гуров достал патрон, снял предохранитель. Мужчина стоял у дома, не двигаясь.

– Некогда мне, – произнес женский голос, и рядом стукнула дверь.

– Эй, приятель, – голос у мужчины был молодой, ломкий. – Огоньку не найдется?

– Не курю! – ответил Крячко и побежал.

«Умница, – подумал Гуров, – понимает, что я в каком-то подъезде, хочет, чтобы парень проявил свою суть и подставился».

Неизвестный выхватил пистолет, выстрелил, но догонять Станислава не стал, пересек переулок, оказался в двух шагах от Гурова, выстрелил в мостовую, сыщик понял, что пистолет у парня заряжен холостыми патронами. Он выскочил из подъезда на тротуар, ударил парня по тонкой шее, отнял пистолет и крикнул:

– Станислав, отбой!

Гуров держал парня не за руку, лишь за рукав, как держит учитель провинившегося ученика.

– Отпусти! – Парень вяло дернулся.

Гуров смотрел в его худое изможденное лицо, в больные глаза наркомана, чувствовал себя неловко, словно был в чем-то виноват.

Подошел Крячко, взял парня за подбородок, поднял его лицо, заглянул в глаза, сплюнул и сказал:

– Дожили, нас уже и за людей не считают. Куда же мы его теперь повезем?

– Куда? Ко мне домой! – Гуров выругался. – У меня не квартира, а санпропускник.

– Шарж какой-то!.. – Крячко не успел договорить, его прервал вой сирены.

В переулок влетели две машины, над крышей первой горел спецсигнал. Гуров швырнул задержанного мальчишку в подъезд, из которого только что вышел, прыгнул сам. Крячко был рядом. Даже в такой ситуации он не удержался и спросил:

– Может, Москву переименовали в Грозный?

Они поднялись на второй этаж, из окна наблюдали за происходящим. Машины встали, первым оказался милицейский «Мерседес», из которого выскочили три рослые фигуры в пятнистой униформе, с автоматами и черными масками на лицах, вторая машина, «рафик», встала чуть в стороне, дверца открылась, но из нее никто не выходил. Автоматчики стояли, широко расставив ноги, поводили автоматами, явно не зная, в какую сторону их направить.

Гуров и Крячко, стоя на площадке лестницы второго этажа, наблюдали за происходящим, как сидящие в ложе зрители смотрят на театральную сцену. Так поставить машины мог только полный идиот. Фары освещали не стены домов, а друг друга.

После недолгой паузы из «Мерседеса» вылез майор милиции с мегафоном.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил Крячко.

– Внимание! – сказал майор в мегафон. – Вы окружены! Выходите по одному с поднятыми руками.

Гуров положил «вальтер» на подоконник, приложил ладони ко рту и громко ответил:

– Майор! Говорит полковник милиции. Прекратите этот цирк, не пугайте людей! Уберите в машину этих фантомасов, иначе я их перестреляю, как курей.

Неожиданно один из автоматчиков полоснул очередью по окну. Гуров стоял за стеной, брызнули осколки кирпича, пули впились в потолок. Гуров взял с подоконника пистолет, выстрелил под ноги автоматчику.

– Майор! Я сказал, уберите ряженных и поднимитесь ко мне. Выполняйте!

В этот момент из «рафика» вылез человек с кинокамерой. Гуров понял, что приехавшие не бандиты, а творится обычный милицейский бардак.

– Не позорься, майор! – крикнул Гуров.

– Выходите сами! – ответил майор, пятясь к машине.

– Твои ряженные могут полоснуть от страха. Майор, тебя снимает камера и слышит весь переулочек, вернись в машину, я выйду.

Видимо, майор понял весь идиотизм создавшейся ситуации, отдал команду, и пятнистые парни стали усаживаться в «Мерседес». Гуров вышел на тротуар, следом Крячко вывел захваченного «киллера». Предъявив майору удостоверение, Гуров подошел к оператору, поздоровался за руку, спросил:

– Телевидение? Александра Турина знаете?

– Конечно.

– У нас с Сашей к вам просьба: вы этот материал пока придержите.

– Секреты? – Из «рафика» выскочил молодой человек с микрофоном.

– А чего же вы прятались? – спросил насмешливо Гуров. – Ваш товарищ с камерой вышел, а вы притаились. Нехорошо. – Он повернулся к оператору: – Вы сняли милицию с голой жопой. У нас и без этих кадров достаточно невысокий авторитет. Майор! Отправляйте свою команду, поедете со мной.

Глава 5

Гуров приказал ехать на Петровку. Оказалось, что в районе, из которого прибыл майор с омовцами, уже три дня работает съёмочная группа, которая выезжает вместе с экипажем по вызовам и тревожным звонкам. Дежурному по МУРу сообщили, что в Проточном переулке предстоит перестрелка. Идиотских звонков дежурному по городу хватает, он передал сообщение в район, а там, на беду, дежурит оператор с камерой, кто-то сказал, что было бы эффектно надеть маски... И закрутилось.

На Петровку приехал начальник районного управления, оказавшийся человеком умным и с чувством юмора. Криминальной была только очередь из автомата. Гуров пообещал в рапорте о стрельбе не сообщать. Все понимали, инцидент лучше замять. Отобранный у наркомана-мальчишки «ГТ», совершенно новый, еще пахнувший заводской смазкой, был заряжен холостыми патронами.

Заместитель начальника МУРа, который дежурил от руководства, знал и Гурова, и Крячко, пригласил их в кабинет, устало спросил:

– Что будем делать?

– Парня задержите для проверки личности, – ответил Гуров. – Во всех учебниках написано, что стрельба холостыми патронами квалифицируется как попытка с негодными средствами, то есть состава преступления не содержит. Я завтра с ним побеседую, уверен, дело пустое, парень наркоман и ничего не знает.

– А пистолет? – спросил полковник МУРа. – Похоже, он из партии, что недавно наши уголовнички получили из Риги.

– Что мне вас учить? Занимайтесь, нас такие вещи не интересуют. К парню пригласите врача, пусть поддержит его, а то еще в камере загнется.

– Глупейшая история. – Полковник МУРа взглянул на Гурова и Крячко испытующе. – Вы будете отписываться на имя генерала Орлова?

– Мы менты такие же, как и вы, лить грязь не собираемся. История глупейшая, но и страшная. Высылаете пацанов с автоматами, они поливают от живота в центре города, сами стоите, словно эстрадные звезды. Попали бы вы на бандитов, имели бы трупы.

– Лев Иванович, – полковник поморщился, – сам понимаешь, дойдет до газетчиков...

– Ты меня не уговаривай, там оператор телевидения работал. Я постараюсь его погасить, но за результат не отвечаю.

– Спасибо. А что, собственно, произошло? Откуда появился наркоман с незаряженным пистолетом, вы сами, звонок дежурному?

– Все это не так глупо, как выглядит. Завтра, полковник, я появлюсь, а сейчас нет настроения размазывать по тарелке.

Поехали на «Мерседесе» Крячко. Возвращаясь с Петровки, он остановил машину у киоска, купил бутылку водки.

– Не хочу пить за твой счет и выслушивать нравоучения, – сказал Крячко, проходя на кухню.

– Разговор о моем пьянстве в прошлом году затеял ты, а не я, – ответил Гуров, доставая из морозилки традиционные пельмени. – Надо бы позвонить Петру, он, возможно, еще у себя.

– Ты старший, – ответил Крячко, выпивая. – Я остаюсь у тебя ночевать. Эти парни в масках напугали меня до полусмерти.

Гуров позвонил Орлову, который действительно находился еще у себя в кабинете. Он сразу снял трубку и сказал:

– Мне уже сообщили, доложите завтра. Ты пересиль себя и напиши подробный рапорт на мое имя.

– Хорошо, Петр. – Гуров вздохнул. – Но я напишу только по факту происшествия, без анализа в целом.

– Согласен, свои соображения доложишь лично. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, поклон супруге. – Гуров положил трубку и перешел из гостиной на кухню, где Крячко накрывал стол и тихо матерился. Увидев друга, сказал:

– Что-то в этой истории не складывается.

– Верно, Станислав, – задумчиво ответил Гуров. – Я поторопился, майора следовало слегка встряхнуть, из него могло посыпаться. Завтра он придет в себя, и разговаривать будет бессмысленно.

– При чем здесь майор? – удивился Крячко, налил не только себе, но и другу. – Обыкновенный милицейский придурок.

Они молча выпили, закусили помидорами, ждали, когда закипит вода дляпельменей.

– Зачем подослали мальчишку-наркомана с незаряженным пистолетом? – Крячко подошел к плите, открыл пачку пельменей, взял с полки соль. – Парни в десантных комбинезонах, с автоматами и в масках. Псих дал очередь по окну, он вполне мог засадить и в соседнее окно, в жилую квартиру. Где мы живем?

– В России, мой друг. Мы живем в России, и это наша родина. Мне следовало стрелять не под ноги, а засадить ему в плечо. Написал бы на три рапорта больше. Будь все проклято! – Гуров выпил. – Удивляются, почему мы много пьем? Ты представляешь себе, сколько сейчас наливают в том переулке? Какой-нибудь сорвавшийся с резьбы мужик бьет жену и детей.

– Как они стояли в свете фар? – Крячко вновь начал ругаться. – Живые покойники! Их что, никто ничему не учил?

– Ты давно не был на рынке, супруга ходит. Знаешь, как ловко они ставят безоружных людей враскоряк? Какие они уверенные и ловкие? И для людей нет никакой разницы между ними и нами, все едино – органы правопорядка. Ладно! Все! Распустились, сопли развесили. Станислав, так что у тебя не складывается?

– Все. Звонок свидетельствует, что организатор тебя знает. Мария, Италия и прочее... В первой части все по уму, а дальше шиворот-навыворот. Большой мальчишка с холостыми патронами. Извини, я слабак. – Крячко налил себе, замялся, налил и Гурову.

– В том-то и дело, что он меня знает. Гуров быстро ориентируется и хорошо стреляет. У меня было время разглядеть парня, а могло времени и не быть. И я на его выстрел ответил бы выстрелом на поражение, возможно, убил бы. Уголовное дело. Киносъемка, шум в прессе. Полковник, опер-важняк убивает безоружного больного мальчишку! Возмущенная общественность! Предвыборная кампания! Ты представляешь количество стервятников, начавших рвать меня на части? Милицейский полковник – это мелочь, вдарили бы из большого калибра по начальству, а там и по правительству, которое я не уважаю, по Президенту, о нем и говорить не хочется.

– Так мальчишку умышленно подставили? – Рука у Крячко задрожала, он поставил рюмку. – А может, ряженных с автоматами тоже подставили? Мы же могли устроить бойню!

– Теперь у тебя складывается? Этот майор огнюдь не debil. Когда он увидел, что парнишка жив, то растерялся, из него можно было что-нибудь вытряхнуть, я поторопился, хотя почувствовал неладное изначально. На мое удостоверение майор глянул лишь мельком, а должен был вцепиться мертвой хваткой, я же стрелял.

– А может, все и к лучшему? По горячке, на ходу ты мог вытряхнуть из майора неосторожную фразу, не больше. Теперь мы аккуратно его обложим. Если ты рассуждаешь верно, а, судя по всему, так оно и есть, то майор коррумпирован. У него должна быть связь, ниточка, ведущая к фигуре покрупнее. – Крячко замолчал, почесал в затылке. – Нужны люди, а нам их не дадут.

– Здесь «наружка» и прослушивание не помогут, Станислав. – Гуров поднялся, выплеснул водку в раковину. – Нужен агентурный подход.

– Твой Харитонов, – подсказал Крячко. – И как его, который сдал Усова?

– Талызин. Он давал показания, наверняка не у дел, может, и из Москвы умотал. Я проверю, но вряд ли он поможет. Харитонов вернее, но операция против группировки Ямщикова-Лялька не состоялась, значит, Харитонов мне ничего не должен. Я могу с ним встретиться, но если он почувствует, что я пришел с просьбой... – Гуров покачал головой. – Нет, с таким человеком нельзя встречаться безоружным. Он не станет работать, тем более что я уже прогонял его в Барнаул впустую. Как агент он почти потерян, и вернуть его можно только на сильном компроматериале. Дуров Артем?

– Битый мент. Сильный опер, ему все обрыдло, и он балансирует на грани фола. Довольно обычная история. – Крячко подвинул Гурову свою рюмку. – Не хочешь – не пей, только не выплескивай, пожалуйста. Дуров – фигура сильная.

– Потому он не может топтаться на ничейной полосе. Он просто играет против нас. Извини за слово «играет». Мы мужика обидели, оплевали, теперь расхлебываем. – Гуров поднялся, взглянул на кастрюлю с кипятком. – Мы будем пельмени?

– Свари осетрину.

– Ты уже приносишь водку. – Гуров высыпал пельмени в кастрюлю. – В следующий раз притащишь и осетрину.

– Дурова дважды видели на пути к Николиной Горе.

– Чего же ты молчал?

– Следовать за ним не решились, на чью дачу он приезжал – неизвестно. – Крячко говорил раздраженно, что с ним случалось крайне редко. – Допустим, мы установили, Дуров поддерживает контакт с Павлом Усовым. И что? Ты понимаешь лучше меня, такая разработка под силу подразделению контрразведки, а не двум ментам.

– Подполковник Кулагин, он стал начальником отдела.

– И что? – повторил Крячко. – Начальник отдела ФСК по дружбе окажет нам содействие, выделит людей? Он что, удельный князь?

– Ты прав. – Гуров слил из кастрюльки воду, разложил по тарелкам пельмени, ел, обжигаясь. – Все меня критикуют, нет, чтобы предложить что-нибудь конструктивное. У нас имеется резиденция министра, где служит Усов, и казино «Фламинго», там работает Артем Дуров. Хозяин казино человек новый, он либо платит группировке Ямщикова, либо связан с ними по иным каналам.

– Гай Борис Петрович – коммерсант, его проверяли, поверхностно, конечно, но установки на него ничего не дали.

– А если обратиться к нашему приятелю и бывшему хозяину? – спросил Гуров, в голосе его звучала безнадежность. – Юдин в коммерческом бизнесе сто лет, может, он знает Гая и подкинет нам что-нибудь интересное?

– Зачем ему ввязываться, своих дел не хватает?

– Что ты все отрицаешь, предложи что-нибудь, черт тебя подери!

– Ты видел, как теннисист тренируется у стенки? Я стенка и удары лишь отбиваю, предложить своего не могу, – философски произнес Крячко.

– Прекрасная позиция, давай поменяемся местами.

– Получится еще хуже.

Гуров чуть было не вспылал, но неожиданно рассмеялся.

– Извини, – он махнул рукой, – вспомнил старый анекдот. Раз мы не знаем, что делать, будем продолжать разговаривать. Они попытались меня если не ликвидировать, то хотя бы нейтрализовать, вынудить мотаться по высоким кабинетам и оправдываться. Значит, бояться. А испугаться они могли лишь задержания «Волги», твоей проверки.

– Я тебе уже говорил: создалось впечатление, что Артем Дуров меня знает. Если так, то меня мгновенно связали с тобой.

– Кавказцев вмиг из Москвы отправили, мальчишку, бывшего мента, отстранили. Артем Дуров служит в казино и не высовывается. Но раз они так переполошились, значит, у них наклеивается дело. А много у них людей быть не может.

– Майор, – подсказал Крячко.

– Только на подхвате и втемную, – возразил Гуров. – Иначе они не могли бы его использовать в сегодняшней операции. Если бы я мальчишку подстрелил, майор стал бы основным свидетелем, давал бы интервью.

– А чего ты тогда шумишь: мол, слабо использовал ситуацию? Если майор лишь замазан, а в основной части используется лишь втемную, то пользы от него для нас как от козла молока.

– А я не компьютер, не просчитываю все мгновенно, я только сейчас сообразил, – огрызнулся Гуров. – И возможно, я ошибаюсь, роль майора значительнее. У нас на руках дерьмовая карта, но они этого не знают. Надо блефовать, изображать активность, они могут начать нервничать, наделать глупостей.

– А так как начать действовать предстоит Станиславу Крячко, то ответная глупость напрашивается сама собой. Неразумного Стасика ликвидируют.

Гуров вздохнул, считал до десяти, затем сказал:

– Тебе следует сменить машину, на твоём «мерсе» не наблюдение вести, а Жириновского сопровождать. У кого в управлении имеется новый «жигуль»?

– У Вальки Нестеренко.

– Звони, – Гуров указал на телефон. – Договаривайся, что на несколько дней меняешься с ним машинами.

– Да Валька лихач, ему нельзя садиться за руль хорошей машины.

– Хочешь, я позвоню? – Гуров снял трубку.

– Ты телефона не знаешь.

– Звони дежурному, узнай телефон и договаривайся. – Гуров передал трубку Крячко.

Второй день Станислав Крячко ездил по Москве на «Жигулях», после «Мерседеса» это было нелегкое дело. Сыщик решил сосредоточить свое внимание на Дурове, считая бывшего оперативника объектом наиболее перспективным. Крячко видел, что Дуров не опасается наблюдения, не проверяется, «вести» его было легко, так как Артем ездил аккуратно, держался общего потока, без надобности не перестраивался. Маршруты у него были простые, от дома до казино, днем он заехал в кафе, где обедал, за столиком сидел один, ни с кем не встречался.

В условиях Москвы вести наблюдение на одной машине было делом пустым. Крячко это прекрасно понимал, как понимал и то, что задание получил из-за беспомощности Гурова, который не мог ничего предложить толкового. На второй день Крячко серую «пятерку» Дурова «потерял», не сомневался, что это произошло случайно. В районе Тимирязевской Дуров свернул направо, Крячко держался метра в пятидесяти позади, имея перед собой лишь одну «Волгу», которая и отделяла сыщика от серой «пятерки». На перекрестке, где Дуров свернул направо, «Волга» ушла налево, Крячко повернул следом за Дуровым, видел его впереди, когда из двора выполз трейлер и наглухо перекрыл узкий переулочек. Это не могло быть заготовкой, если Дуров заметил преследование, что вероятно, но он имел десятки возможностей уйти, не прибегая к столь сложному и дорогому способу. Он мог на любом шоссе встать у светофора первой машиной, рвануть на желтый и спокойно укатить, так как Крячко держался на одну, две, порой на три машины позади.

Трейлер не мог развернуться, въехал назад во двор. Крячко на всякий случай запомнил его номер, рванулся по переулку, но впереди «пятерка» не просматривалась. Крячко пролетел три квартала, понял, что дальнейшие поиски – просто мартышкин труд. Дуров мог свернуть

на любом перекрестке, Крячко припарковался и в который раз пожалел, что не курит. Достал бы сигарету, чиркнул зажигалкой, прикурил, все-таки занятие, а так сидишь дурак дураком, надо думать, а думать совершенно не о чем.

Вчера Дуров в этот район не заезжал, сегодня ехал неуверенно, притормаживал на перекрестках, явно искал нужный поворот. Это еще одно доказательство, что трейлер появился случайно. Но раз Дуров разглядывал то ли нумерацию домов, то ли название улиц, значит, он ехал по новому для него адресу и находился где-то недалеко от места, которое разыскивал, последний раз он уверенно свернул с Тимирязевской. «Дурное дело – не хитрое, будем искать, – решил Крячко, разворачиваясь. – Начну от трейлера, как от печки, буду поворачивать в каждый переулок, их всего три, и заглядывать в каждый двор. Пусть такой розыск смахивает на поиск монеты под фонарем, ищу здесь, потому что светлее, зато будет что доложить начальству. Станет издеваться, отвечу: мол, каково задание, таково и исполнение».

Накануне Павел Петрович Усов выехал из резиденции министра утром, нашел исправный автомат и позвонил должнику «инженера» Самойлова. Усов почти не сомневался, что с нужным лицом его не соединят, придется объясняться с секретаршей либо каким-нибудь помощником, но ошибся. Сняла трубку девушка, услышав, что просят шефа, поинтересовалась, кто спрашивает, и тут же соединила. Ответил молодой баритон:

– Слушаю.

– Сергей Львович? – спросил Усов.

– Он самый, с кем имею честь? – Голос был уверенный, принадлежал человеку, явно довольному собой.

– Мое имя вам ничего не скажет, Сергей Львович. Называйте меня просто – Иван Иванович.

– Как вам угодно. – Голос неуловимо изменился. – Чем обязан, Иван Иванович?

– У меня на руках ваши расписки на сумму два миллиона с копейками. Я бы хотел с вами встретиться, обсудить вопрос, когда я смогу эти деньги получить.

– Я вас не знаю, никаких расписок вам не давал. Всего доброго...

– Не совершайте опрометчивых поступков, Сергей Львович, – быстро сказал Усов. – Я не сказал, что вы дали мне расписки. Я лишь сказал, что они у меня на руках. Если хотите, я их купил.

– И совершили ошибку. Кто же платит деньги за подделку? Я понимаю, раз вы заплатили, не успокойтесь, поэтому приезжайте ко мне в контору, переговорим.

– Я подошлю своего представителя.

– Разумно. Завтра от двенадцати до часу.

– Договорились, Сергей Львович.

Усов вернулся в усадьбу, позвонил Дурову, пригласил вечером в гости.

– Мы же решили повременить, – недовольно ответил Дуров, но согласился.

Он был в скверном настроении: два дня назад сорвалась неплохо задуманная операция против Гурова. Засветился майор из райуправления, пусть и шестерка, которая ничего не знает, мелкая карта, но из своей колоды. Сегодня у Дурова возникло ощущение, что его «ведут», он внимательно следил за окружающими машинами, ничего не заметил, резких движений предпринимать не стал. Если это контора, решил бывший опер, то машин несколько, я их не засеку, но проявлю себя. Опытные люди влет засекут, что я дергаюсь, а мне такое ни к чему, достаточно и одной беседы с полковником Крячко.

В тот вечер Дуров уехал из казино рано, Крячко проводил его до дома и уехал к Гурову ругаться. Объяснил другу, который и сам прекрасно знал, что по вечерней Москве вести наблюдение на одной машине имеет смысл лишь в том случае, если они решат, что слежку надо засветить.

Крячко и Гуров пили чай, лениво пикировались, и поездку опера на дачу министра пропустили.

Беседа Усова с Артемом Дуровым проходила в более накаленной обстановке.

– У Сергея Львовича Сабирова официальный бизнес, поставлен на широкую ногу, – убеждал напарника Усов. – Оптовая торговля мехами. Я убежден, что это вывеска, прикрытие. Сабирин ворочает сотнями миллионов. Запутал, напугал он этого недоумка Самойлова. Взял у него два года назад, когда разворачивался, два «лимона», хотел отдать, увидел, что человек слабенкий, решил кинуть. Поговори с Сабириним солидно, ты умеешь, он поймет, что кредитор сменился, ситуация перевернулась, и не станет рисковать делом, которое стоит в десятки раз дороже.

– Вы меня убеждаете, что приехать к нему в офис безопасно, как в кино сходить. Так поезжайте сами, вы проведете переговоры лучше меня, – сказал Дуров, которому затея явно не нравилась. – Задумываете вы все отлично, ваш мальчишка-наркоман с незаряженным пистолетом в руках был придуман мастерски. Но он был рассчитан на человека нервного, пугливого, полковник – сыщик.

Усов разозлился не на шутку, тем более что опер сказал истинную правду, которую Павел Петрович и сам уже понял.

– Если ты такой умный, почему молчал раньше? Если ты отказываешься среди бела дня ехать в официальный офис, то ты отказываешься от денег. Дело твое, я pošлю другого человека.

«Нет у тебя подходящего человека, вот стрелки, правда не ахти какие, но есть, финансисты, пусть хреновенькие, имеются, а мужика, который может слово сказать, у тебя нет». Все это мог сказать бывший опер, но вслух лишь спросил:

– Допустим, я согласился и приехал к этому дельцу. Кого я представляю? Кто за моей спиной?

– Давай решать. – Усов понял, о чем конкретно думал Артем, и промолчал. – Сабирин связан с криминалом, шубы, как я уже говорил, лишь вывеска, такому человеку не нужен скандал. У него имеется официальная охрана и боевики, но не постоянные, а по найму.

– Завтра к двенадцати он их и пригласит. – Дуров понимал, что говорит против логики. Никто не устраивает засаду в собственном кабинете, но опера раздражал самоуверенный тон Усова, привычка командовать, посылать людей, оставаясь в стороне.

– Может, пару амбалов и пригласит, попытается напугать, – неожиданно согласился Усов. – Если так сложится, то неохотно уступай, соглашайся на меньшую долю. Но за тобой хозяин, твое слово не решающее. Дай ему понять, что хозяин хотя и криминальный авторитет, но способен и к властям обратиться, на деньги наплевать, а счета свести.

– Не годится, – категорически ответил Дуров. – Среди авторитетов такое не принято, ты засиделся в большом кабинете, господин полковник. Если у человека имеются люди и стволы, он решает свои проблемы сам, лично, в ментовку и ГБ не обращается.

Усов понял, что бывший опер прав, и согласился:

– Хорошо, тебе виднее, но в любом случае, если торг возникнет, особо не упираться: мол, ты передаешь чужие слова, решать не вправе.

В тот вечер Дуров не выпил ни капли спиртного, Усов из солидарности тоже прихлебывал чай, разговор не получался.

– Напрасно я тогда разрешил тебе сесть в «Волгу», хотел, чтобы ты опытным взглядом оценил ситуацию. Кто же мог предположить, что Гуров уже на хвосте висит, да еще и притормозит вас, начнет проверять. Ты перед ним засветился, что очень скверно, – сказал Усов, решив сменить тему разговора. – Ты ко мне больше не приезжай, звони только из автомата, поставить на прослушивание номер министра никто не решится, а тебя взять на контроль могут. Ты проверяешься, на тебе не висят?

– Не мальчик, – уверенно ответил Дуров, делиться своими сомнениями он не собирался.

– Тогда с богом. – Усов проводил гостя до ограды, думая о том, что Гуров в любом случае уже связал оперативника из «Волги» с бывшим полковником Усовым.

Он твердо решил связь с Дуровым временно прервать. Только бы выбить деньги с меховщика и залечь на дно, обрастать людьми, не торопиться. Уж кто-кто, а бывший начальник отдела прекрасно знал, людей у генерала Орлова мало, держать Гурова на неперспективном деле начальник управления может неделю, максимум две. А если он передаст материалы, которых, в сущности, кот наплакал, в МУР, то там их похоронят. В Москве ежедневно убивают, занимать людей стратегической разработкой никто не станет.

Утром Дуров заехал в магазин, купил самое необходимое, что покупал обычно, выйдя на улицу, просмотрел припаркованные неподалеку машины, отъехал и тут же встал, начал осматривать колесо. Такая остановка не могла вызвать подозрения, так как была обычной для любого водителя. Но он на этом не успокоился, открыл багажник, достал насос, подкачал колесо, тем более что оно действительно было приспущено. Затем он отправился на рынок, профессиональным взглядом просмотрел покупателей. Дуров сам «водил» и знал, как трудно не потерять в толпе объект и выглядеть обычным покупателем.

Крячко на рынок не пошел, оставался в машине. Он не видел в поведении бывшего коллеги ничего подозрительного, что бы свидетельствовало о том, что Дуров обеспокоен и проверяется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.